

792.97.

П17 БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

М. Папова

БЫКОВЦЫ

киносценарий

ГОСКИНОИЗДАТ
МОСКВА 1946

KH. 171A

K. XX-1943.

1944

792.97

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

П 17

1955

М. ПАПАВА

1500

БЫКОВЦЫ

КИНОСЦЕНАРИЙ

Читальн. Зал
Чит. Ц. бн. кн.

1948

1952

2001

ЧИТИНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2164

2012

Фонд редких

ГОСКИНОИЗДАТ
КНИГ
Москва 1941

157825

X

На обложке—кадр из фильма „Быков-
цы“: Выборнов (народный артист РСФСР
Б. Бабочкин) и Мошкин (заслуженный
артист республики В. Ванин).

Утро... В чистое, бледное небо вмерзло тусклое солнце.

Медленно и торжественно, точно церковные врата, раскрываются тяжелые железные двери, над которыми заиндевевшая вывеска: «Быковское сельпо».

На стеклянной внутренней двери изнутри подклеена лаконичная надпись: «Есть гребенки».

Тишина взрывается многоголым шумом выстраивающейся очереди.

Несколько поодаль стоит группа школьников — бескорыстных ценителей женских перебранок.

— Капа-то! Капа! На таран пошла! — восхищенно шепчет один из них.

Выскочив из очереди, стоит в шляпке, съехавшей набок, городская старушка в пенсне (видно, из числа эвакуированных).

— Ах, боже мой! — шепчет она, взглядываясь в закипающую толпу и, покачав головой, сокрушенно удаляется, спрятав руки в маленькую вытертую муфточку.

Выборнов, председатель колхоза, сидит за маленьким столом, на котором огромный мраморный прибор. Над столом большой портрет Пушкина. Напротив, в простенке заиндевевших окон, Сталин шагает по набережной Кремля.

Несколько общартанных столов. Высохший сноп ржи на шкафу.

У круглой, глянцеви́той, черной печи сидит на полу мальчишка лет тринадцати и набивает пышущее жаром зевло печки березовыми поленьями.

— Ванька! — недовольным тоном говорит Выборнов, — опять юдной березой топишь. Сказано, осиной мешай. А?

Захватив лежавшие на полу варежки, Ванюшка стремглав кидается к выходу.

Выборнов просматривает корреспонденцию. Рядом за столом сидит предсельсовета Маша Медве́дева, повязанная платком до самых бровей.

Выборнов передает ей нераспечатанный конверт.

— Это тебе. Сельсоветское.

Перед ними пакет со штампом из действующей армии. Переглянулись тревожно. Выборнов надорвал пакет, пробежал извещение:

— Тютькова убили... Алешку. С моим Петькой вместе ушли... В юдной части были.

Опершись на руку, Выборнов сидит задумавшись, ероша короткие стриженные усы над неожиданно маленьким ртом.

— А тут дочка без него народилась, — тихо говорит Медве́дева.

— Дежурный! — кричит Выборнов. Вбегают девочка-подросток лет четырнадцати. — Маруся Тютькова здесь?

— Ага! В череду стоит, — весело сообщает Клани, дожевывая лепешку.

— На-ка, снеси, — протягивает ей извещение Выборнов.

Лицо Клани сразу тускнеет. Она пробегает извещение и говорит дрожащим голосом:

— Не пойду. Меня люди и так уж шарахаются.

— Ты дежурный? — грозно говорит Выборнов. И вдруг скривился лицом. Отвернулся.

— А ты, Владимирыч, не расстраивайся, — шепчет Медведева. — Случилось бы что, и об Петьке б сообщили. Значит, живой он.

Попрежнему шумит очередь у магазина...

Веселый дед с бородой, увешанной сосульками, подходит к сельпо.

— Суета сует, — задумчиво произносит дед и вдруг, подмигнув впереди стоящим и потуже надвинув шапку, ныряет головой в толпу.

Увидев эволюцию деда, мальчишки издают восторженный рев.

По обледевшим ступенькам крутой деревянной лестницы спускается Кланы, держа в вытянутой руке извещение.

Держит она его так, точно это граната, могущая взорваться. Остановилась.

Сверху видно, как уходит вдаль улица.

Морозное, солнечное утро. Вертикальными столбами поднимается в небо дым из труб, кудрявится сверху.

Кланю уже увидели, кто-то кричит:

— Тихо, бабы, Кланька!

Разом стихают крики. Наступает тишина. Головы всех женщин повернулись в сторону Кланы.

Шепнув что-то на ухо стоящей в конце очереди женщине, Кланы сует ей в руки бумажку и, повернувшись, избегает по лестнице, над которой надпись: «Сельсовет. Правление колхоза».

Кланы бежит так, точно боится, что может настигнуть ее чужое горе, точно она виновата в нем.

По цепочке рук, в тишине окаменевшей женской очереди медленно плывет маленькая бумажка, несущая весть о смерти. Но вот бумажка остается в руках у одной из женщин. Это Маруся Тютюкова. Дальше передавать не нужно. Это ей.

Тютюкова мнет извещение в руках и поворачивает к соседке по очереди лицо, на котором трепещут боль и какая-то тень последней и слабой надежды: может быть, ошибка, может быть, можно передать дальше?

Клания сидит, забившись в угол, и вслушивается. И вот, заглушенный стенами, доносится до нее отчаянный женский вопль.

— Узнала, — шепчет Клания трясущимися губами.

Тишина. Тикают ходики. Из-за окон доносятся заглушенные женские причитания и гул очереди в село.

— Лучшего моего бригадира убили, — шепчет Выборнов и, встав, подходит к стене, на которой надпись: «На Великой отечественной войне — из колхоза им. Пушкина». Под надписью прикреплены кнопками десятки крестьянских фотографий. У некоторых, видно, не было личных карточек, и тогда идущий в армию представлен вместе с женой — в строгой, каменной позе молодоженов. Есть фотографии нескольких пожилых людей. Один такой снят в центре своей большой семьи: не решились, видно, портить карточку. Под карточками надписи:

«Представлен к отличию».

«Погиб за родину».

«Вышел в командиры».

«Награжден медалью за боевую заслугу».

На одной из карточек сняты на фоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки два молодых парня в обнимку. Выборнов подклеивает под ногами одного из них: «Погиб за родину».

Второй парень очень похож на Выборнова. Выборнов всматривается некоторое время в фотографию и, отклеив надпись, передвигает ее несколько вправо, чтобы она не захватывала сына.

— Кланька! — не оборачиваясь, кричит он.

Заплаканная Кланы выходит из угла.

— Ну, тут я.

— Шашку, — коротко бросает ей Выборнов,

— Владимирыч! — испуганно вырывается у Медведевой.

— Ну?

Посмотрев в гневные, сверкающие глаза Выборнова, та умолкает, махнув рукой. Кланы бежит к выходу.

В дверях сталкивается с Ванюшкой, несущим охапку дров.

— Чего разела? — останавливает ее вопрос Выборнова.

— Тютькова жалко...

Ванюшка застыл в испуге, остановился. Переводит взгляд с Кланы на Выборнова.

— Убили твоего брательника, Ванюшка, — тихо говорит Выборнов.

— Дедушка Мошкин баял, всех ныне положат, — как бы в утешение Ванюшки говорит Кланы.

— А вот мы этому деду язык окоротим, — сердито говорит Выборнов. — Муку повезли? Марусю в совет!

Оставшись один, Ванюшка еще некоторое время стоит с охапкой дров в руках. Потом подходит к печке и опускает руки.

В нетопленной парадной комнате совета сидят за столом Выборнов и Маша Медведева. Окна покрыты узорами с внутренней стороны и от этого тускло в комнате. Позади стола у стены скрестились два знамени.

В комнате большой нестораемый сундук, шкаф с наваленными на нем кипами газет и аккуратный ряд стульев вдоль стен.

У двери на скамейке бьется и причитает Маруся Тютюкова. Две женщины стоят по бокам и не дают ей упасть.

— Говори, Маша, ну! Скажи ей от советской власти, — сердито шепчет Выборнов, наклоняясь к Медведевой.

Но у той дрожат губы и неожиданно слезы текут по лицу. И тогда встает сам Выборнов.

— Смотри, Маруся, — говорит он, торжественно указывая на Медведеву. — С тобой вместе и мы плачем. Значит, ясно, что погиб Алешка геройской смертью за весь народ, и Быковку в том числе. Может, рана у него болела перед смертью, это возможно. Но знал он при том достоверно, что семья его по миру не пойдет и баба не пропадет. А почему? Потому, что есть у нас, так сказать, установленная форма жизни — колхоз. Ясно?

Вбегает, запыхавшись, Клания с шашкой в руках, спотыкается у порога и испуганно замирает.

Выборнов кивает ей, и Клания, подойдя, почтительно вручает ему шашку. Шашка обычно-

венная — кавалерийская с эфесом в виде вопроса.

Тютюкова уже не бьется и не причитает. Она только всхлипывает, опустив голову и утирая слезы бахромой шерстяного платка.

Надев шашку, Выборнов подходит к Тютюковой (у него оказываются кривые ноги кавалериста в виде двух половинок буквы О). Поставив над нею, Выборнов сердито машет рукой и выходит, задев за косяк двери шашкой.

В сенях сельсовета у окна без рамы — Кланы и Ванюшка. Кланы смотрит на Ванюшку соболезнующе, но утешать его не решается. Они смотрят в окно, где вдали мчится кошевка Выборнова.

Кланы (задумчиво): С шашкой уехал. Опять проситься.

Ванюшка (угрюмо): На войну?

Кланы молча кивает.

Ванюшка (с трудом удерживается от слез): Пусть только придут. Я в партизаны уйду. Гранатов на них набросаю.

— Убили твоего Алешку, — начинает по-бабьи Кланы и тянет руку, чтобы погладить Ванюшку. Тот сердито сбрасывает ее руку.

— Очень вы, мужики, гордые, — задумчиво говорит Кланы. — А ты поплачь.

— Не буду, — вырывается у Ванюшки, но слезы уже бегут по его лицу, он всхлипывает и, неожиданно обозлившись, дает Клане по уху.

Слышится удар. Это шашка Выборнова падает на стол, над которым табличка: «Первый секретарь райкома П. С. Щепетов».

— Не я прошусь, она требует, — шумит Выборнов, указывая на шашку.

Глубоко уйдя в кресло, невозмутимо сидит Щепетов и вдруг улыбнулся:

— Шашку свою забери. Именная от Котовского. Все знаю. А брони не сниму. Колхоз твой еще старой славой гремит. Выборнов — фигура ведущая. А тут война. Можно и не удержаться. *(Прищурился.)* Так, что ли?

Выборнов: Это что же, по-твоему, я в дом отдыха прошусь? Я на фронт прошусь. В обком писать буду! Самому товарищу Сталину!

Щепетов *(стукнув ладонью по столу, всглас)*: Хватит! Ты мечя, Владимирыч, знаешь. И лучше не доводи. У нас здесь свой фронт. Весной сеять будем и засеем полностью. Да еще лишку прибавим!

Выборнов *(задумчиво)*: С кем сеять-то? Отцы бабы да сонляки останутся. Лошадей половина. Тракторы имеются, а кто на них сидеть будет?

Щепетов: А, милоч! Вот это и есть война, и сворачиваться придется. Пятак рублем ставить! Струхнул малость?

Выборнов: Я?!

Щепетов: Да, ты... А ты не стесняйся. И я ведь не железный. А только я твердо знаю, что сейчас нам, коммунистам, настоящая оцечка и бюджет. А то ходил до войны человек в неопенимых, а пришла война — и цена ему грош. Да и то ломаный! Так что ты о фронте забудь. И чтоб я об этом не слышал больше. Весной твой колхоз экзамен держать будет. И перед всем миром. Ну, а мировой масштаб для нас с тобой самый подходящий. Так ведь? *(Протягивает руку.)*

Выборнов *(усмехнувшись)*: Вроде!

Щепетов *(держит его руку в своей)*: Я ведь тебя, чорта, люблю и верю в тебя. А только и знаю, как облупленного. Для тебя ведь амбиция выше амуниции?

Выборнов *(примирительно)*: Ладно... ладно... *(Оглядывает любовно Щепетова.)* Чего худеешь-то? Слушай, давай я тебе поросенок-ка привезу.

Щепетов: И так хорош буду. *(Пройдя к печке, греет об нее руки.)*

Выборнов *(идя за ним)*: Чудак, право. Ведь бракованные, ей-богу! Отход...

Щепетов: Чудак был, чудакom и умру. А ты смотри: сегодня — отход, а завтра — отвод. Что сын? Пишет?

Выборнов *(глухо)*: Тютюкова у меня убили. С сыном вместе в армию ушли. И не-пе-се у них один.

Молчат... Выборнов отвернулся. Щепетов тихонько кладет ему руку на плечо. И когда Выборнов оборачивается, на непривычно размягченном его лице — нежность и тревога за сына...

Выборнов: Которые не могут, за тех сынки воюют... А я ведь...

Щепетов *(мягко)*: Ничего, Владимирыч, придет и наш черед. А пока что мы здесь повоюем.

Телефонный звонок. Щепетов берет трубку:

— Так. А мука? Семьсот. Что? Никаких миллионов. *(Вешает трубку и поворачивается к Выборнову.)* На тебя надеюсь. Хлеба у нас много. А некоторые придерживают. Цены вздули. На рынке будешь?

Выборнов: Обещал, значит кончики!

Щепетов: Ну то-то. А на то воскресенье

майданские вывезут. И чтоб ты цены у меня сбил! Не подведешь?

Выборнов: Я?! *(Рванулся к выходу.)*

Щепетов *(вдогонку)*: Инвентарь свой забери! *(Указывает на шашку.)*

Выборнов возвращается и смущенно снимает ее со стола.

Щепетов: Займись другим инвентарем. И помни — на нас вся Европа смотрит!

Оставшись один, Щепетов подходит к окну. За окном вдали базарная площадь и на ней — сумятица воскресного районного базара.

Базар... Море голов... Ряды возов...

Заиндевелившие кони.

Разливанное море горшков.

Дрожат от мороза козы, тоскуя взором. Их щупают.

Звенят горшки, точно хрусталь. То ли от мороза, то ли действительно хороши. Визжат поросята.

Знакомая уже нам старушка в пенсне продает туфли.

— Вы понимаете, это из Вены, драгоценная для меня память.

— На-на, не волнуйся, — сует ей обратно туфли чернобородый. — Мне с памятью не нужно. Мне с подметками.

Мучной ряд. Муки мало... Торгуют из комоков, из мешков на маленьких санях. И всюду цена — семьсот!

Только один воз, груженный мукой. У воза весы.

Хвост у воза. Торгует скуластый, сутулый мужичок.

— Почему, почему? — возбужденно приговаривает он, отвешивая муку. — Семьсот, ясное дело, семьсот. Мы что? Как цена, так и мы.

Мороз. Скрипит снег под ногами покупателей, прихлясывающих в очереди.

Ноги в валенках и без них, в портянках, у открытой двери печи.

Гул голосов, крики, шум и монотонное:

— Один грибной!

— Два раза грибной!

Тулупы, ватники, полушубки.

Кое-где мелькают городские пальто эвакуированных.

Официантки в ушанках, с трудом пробиваясь сквозь плотную толпу, балансируют мисками с черным дымящимся супом.

Хлопает входная дверь, выбрасывая в столовую огромные клубы пара.

«Капитан, капитан, подтянитесь», — орет патефон, затуманный на стойке, где лежат груды хлеба и анишлат на палочке: «Водки нет и не будет».

Выборнов сидит у печи и, сняв бурки, греет ноги в носках.

Человек в дохе, пытаясь протиснуться к нему, застрял в толпе:

— Иван Владимирович! Все утро я за тобой гонюсь.

— Ну? — поворачивает голову Выборнов.

Доха, наконец, прорвалась к нему, наклоняется:

— Помоги товары вывезти для потребсоюза.

Выборнов: А что?

Лицев (шопотом): Мыло!

Выборнов (оживившись): Пять лошадей Возники твои. Полтонны наши, завезешь в село.

Линев: Да ведь Быковка у меня в третьем квартале запланирована.

Выборнов: Ну вот, в третьем и поговорим.

Линев (жалобно): Да ведь весь план придется перекраивать!

Выборнов: И перекроишь!

Линев (махнув рукой): Когда приплещь?

Выборнов: Завтра... (Сощурившись, он некоторое время разглядывает Линева, как бы читая его тайные мысли.) Обратно через Быковку поедут.

Линев: Да ведь это же крюк!..

Выборнов: Тебе крюк, а нам прямей. (Подмигивает.)

— Иван Владимирович, председатель, — слышится с порога, где приоткрыта дверь и пар валит, как из паровоза. — Муку привезли. Давай, цену назначь. Один воз только — ивановский. Люмят — сами пугаются.

Выборнов: А сколь?

Голос: Семьсот.

Выборнов: Ставь возы. Цена наша будет...

Выборнов замолкает. Люди в столовке даже притихли.

— Пятьсот, — усмехнувшись доканчивает Выборнов.

Хлопнула выходная дверь. Раз, другой, и вдруг захлопала беспрестанно.

Хватая корзины, мешки, посетители торопятся к выходу.

Какая-то дама растерянно смотрит на свою плетеную авоську и тоже устремляется к двери.

Бойко торгует мужичок у воза с мукой.

Еще больше выросла очередь.

— Да ты считай, хоть считай! — умоляя, говорит бабе мужичок.

Баба продолжает равнодушно совать деньги в мешок.

С хода врезаются в толпу два воза с мукой. Устонавливают весы. Паршника лет пятнадцати звонко кричит, стоя на мешках:

— Подходи, граждане, «Пушкин» торгует! Пятьсот!

Мгновенная пауза.

Окаменевшее лицо мужичка. Застывшая рука бабы с деньгами.

Очередь как ветром сдуло. Остался один седобородый в городском пальто, но и тот выхватывает вдруг у бабы только что отданные деньги и сыпает муку обратно.

— Это что же, — растерянно шепчет мужичок, крикнув бабе: — Держи деньги, дура, обочими держи, — куда-то бежит, подхватив политулу.

— «Пушкин» торгует.

— Быковцы! — Вспыхивают вокруг мужика реплики в толпе.

Расталкивая народ, бежит мужичок.

Выборнов попрежнему сидит в столовой. Патефон играет партизанскую. Скинув тулуп, Выборнов облокотился на шашку и мечтательно смотрит на огонь.

Клубы пара у порога и чей-то ликующий голос.

— Вниз пошла! Шестьсот пятьдесят.

В распахнувшуюся дверь совывается голова

мужика. Несмотря на мороз, по лицу катится пот. Шапка съехала на затылок.

— Выборнов, пось сюда! — полусшепчет, полукричит он.

— А мне и тут хорошо, — добродушно отзывается Выборнов.

— Ты что, чумной, что ли? — подбежав, ожесточенно шепчет ему на ухо мужичок. — Мука пыле сямсот была, а придержать — и выше взойдет.

Выборнов: Да ну, скажи пожалуйста, промашку какую дал! *(Раскатывается смехом.)*

Голос с порога: Пять семьдесят!

Мужичок: Ну, что ж сидишь? Идол проклятый, выдь, скажи.

Выборнов: Не могу. Пошмаешь, не могу. Сказал, — значит, кончики.

Мужичок *(почти задыхаясь)*: Смешки, значит, строишь, выслуживаешься? Ты ж другом был.

Выборнов. Был другом, да весь вышел. Хлеб в поле гноишь, а сам торгуешь?

Голос с порога: Пять пятьдесят просят!

Мужичок: Что ж это делаешь? Что делаешь-то?

Всплеснув руками, он бросается к выходу.

В столовку вбегает человек явно наивеселе и, оглядев всех, возглашает:

— Пор-рядок! Пятьсот всюду! Как отрезали!

Буфетчик, восхищенно поглядев на Выборнова, обращается к публике:

— Я думаю, возражений не будет. Из моей личной, убей бог, поллитровки товарищу Выборнову по такому случаю выпить. А? Принято единогласно!

Налив стакан, он протягивает его Выборнову на тарелке, где густо посоленный кусочек хлеба.

Выборнов выливает и, кивнув, шохает кусочек хлеба.

— От Советского Информбюро, — слышится из испотевшего рупора радио.

Выборнов медленно кладет хлеб на стойку, обернувшись к рупору.

Над базаром слышится зычный голос радио:

«...В течение всей недели круглые сутки не прекращаются кровопролитные бои. Части Красной Армии, несмотря на большое преимущество врага в технике, оказывают фашистам стойкое сопротивление. Встретив особенно упорную оборону на Волоколамском участке фронта, фашисты усилили напор на Клинском направлении. Отдельной группе противника после длительных боев удалось выйти на магистраль...»

На мгновение замолкает базар.

Оставлен стетоскоп и, стоя перед голым призывником, слушает врач.

Слушают какие-то женщины сидящие на мешках перед призывным пунктом.

Райком. Зябко передернув плечами, слушает Щепетов.

Но вот все глуше и глуше голос радио... Просторы белых полей и чуть темнеющая дорога.

Медленно движется по ней воз с непроданной мукой.

Его нагоняет вороной жеребец Выборнова. Дорога узка, и Выборнов круто сворачивает на объезд.

Жеребец проваливается по брюхо и точно плывет по снегу.

Выбравшись на дорогу, вороной пошелся чистой рысью породистого коня.

Утонув в сугробу сельская улица. И странно видеть на этой зимней засугребленной улице людей с вилами, с граблями на плечах, точно сейчас июль, сенокос.

Терзая бабы, несутся векачь мальчишки с санками, путаясь в отповесках, не по росту пицжаках.

— Катя-а! — несется из конца в конец улицы. — Список-от у тебя?

— Нету-у, у Мани Тютюкова-ай!

— Да не выйдет она, Лешу убили-и! В сель-пе сказывали-и.

У ворот избы, на краю деревни, женщина в легком платочке с наброшенной на плечи шалью.

Из-под горы медленно поднимается огромный роз сена. Сбоку семениг веселый старик Букки, всячески катая на привезенную лошадь.

Устрашенная массовым криком, лошадь ододела, наконец, гору, и роз медленно прошмыг мимо ворот.

Другой, третий...

Вокруг ютят детишки и мальчишки с санками, погрязают сено с дороги.

Женщина продолжает зачарованным взглядом везы с сеном и, вырвавшись, бежит к избе.

В избе плавает белый дым.

Плачет ребенок.

У окна мужик дымит самокруткой, качая зыбку, подвешенную на пружине к потолку,

На печи хнычут двое ребят.

Баба, женщина берет из зыбки ребенка и, схватив изо рта мужа папироску, швыряет ее на пол.

Или, леший задымленный, колхозники сено жгут. Хоть сколь добудешь. Одна надежда — телка, и та с голодудохнет.

Мужик покорно поднимается и выходит. Потом он входит уже с сачками в руках и мнет порог.

— Слушай, Нюр, такое дело... Водь не малец. А? Мужик ведь с бородой, — тоскливо говорит он.

— А у меня, думаешь, стыда нет, — говорит женщина, спуская младенца в зыбку. — Хлеб с осени у всех назанимали.

Хлебом-то они прошлым живут, — примирительно говорит мужик и, вытащив кисет, присаживается у порога на самый кончик лавки, точно в гостях. — Весной, может, ни у кого не будет.

Вот чего, сердито говорит баба и подходит вплотную к мужу, прижимая его к порогу. — Мне чужого горя не надо. Своего девать некуда. Живут люди, и слава богу. И мы бы могли. Иди, просись в колхоз. Гордый, — и вытащив из рук мужа кисет, бросает его на пол. Махорка рассыпается.

Эх, Нюра, — тихо произносит мужик, — последние ведь дни доживаем, повестка-то на руках.

У меня вот повестка, — она кивает в сторону печи, где, прижавшись друг к другу, сидят испуганные и затихшие ребята. — Ты гордый, а мне об земь мордой? Убьют, и слезинки не выроню!

Хлопает дверь. Женщина остается одна. Притихли ребята.

— Сеня! — тихо произносит женщина. — Слюшка-а! — Опустившись на пол, она сгребает в кيسет рассыпанную махорку. Плечи ее вздрагивают от рыданий.

А Сеня — Семен Александрович Хвалин — по-нуро бредет вдоль церковной ограды. За ним на длинной веревке волочатся санки. У ограды веселое оживление — сваливают возы с сеном. Хвалин останавливается в раздумье. Подойти совестно.

Старушка, та самая, что продавала на базаре туфли «с памятью», зачоченев, согнувшись, семенит мимо. Связанные шнурком туфли подпрыгивают на руке возле облезлой муфточки.

Старушка останавливается рядом с Хвалиным. смотрит, вытянув шею, и нерешительно спрашивает:

— Очевидно, сено делят?

— Делят, — неохотно отзывается Хвалин и, обернувшись, узнает старушку. — Торгуете, Марья Петровна?

— Да, Семен Александрович. Женя у меня такая неприспособленная.

— Эх, Марья Петровна, я вот в своем селе, а тоже вроде «выковырянный».

Старушка изумленно смотрит на Хвалина — от него-то она уж не ожидала.

— Эва-куи-рованный, — уничтожающе отчеканивает она и семенит дальше.

— И выдумал он бошбу особо чувствительную, — сладким голосом повествует Леска, умильная старушка с лисьим личиком.

Женщины сидят на ступеньках церковной инерти. Над ними большая, красивая церковь «кораблем».

— С нее и страдания наши. Разбрасает их помещагодя, и лежат они скрытно, как грибы-моганки в снеге белом. Лежат, полеживают, людей поджидают. Одни наш пройдет — ничто, де-сять — тоже, а как до сотни поблизости ока-жется, — так она, бомба-то, и лопнет. Полыхнет пламенем и горохом рассыплется. И нету лю-дей, как не было!

За церковью обрыв, внизу поля, закрытые сне-гом, темная щетина камыша обозначает русло невидимой сейчас речки.

Леска смолкает, строго оглядев баб. Бабы сидят недвижимо. Кто стоит, опершись на граб-ли.

Одни вздыхают, другие молчат.

— А я ведь глух, — радостно заявляет вдруг Бужин, веселый старик, похожий на рождествен-ского деда. — Хоть кричи, хоть стучи, — не слы-шу, — кшует дед. — А вот знаю, брешет она. Все как есть брешет.

— Вот крест святой! — вскакивает Леска.

Дед машет на нее руками и продолжает:

— Она ведь с детства такая, Леска-то. Бы-вало, мальчишками еще заведет в сарай и да-вай нашептывать. Нас пугает, а сама пуще тря-сется. Ну, били мы ее за это...

Толпа взрывается хохотом.

И вдруг замолкает. В ограду входит Тють-кова. Она идет медленно, точно пристаюг ноги к снегу. Сбоку — Ванюшка.

— Здравствуйте, кого не видала, — говорят Тютькова, не поднимая глаз.

— Здравствуй, Маня,— тихо, почти хором, отвечают бабы.

— Все, что ли?

— Все, Маня.

Тютькева разворачивает список. Какой-то комок застрял в горле, но вот она справилась с ним и читает тихим бесстрастным голосом.

— Кухарина — двести дней, Леса Бугорная — девяносто три, Тютюков Алексей... — запнулась вдруг Маруся, — двести пятьдесят. Ле-ешенька! — вырывается вдруг крик у нее. Сжав губы, она стоит, чуть покачиваясь.

Пауза. Вздыхают женщины. Кое-кто утирает слезы.

— Дай-ка, Маруся, я прочту, — глухо говорит Ванюшка. Взяв список, он стирает с него слезы варежкой и продолжает: — Сарминская Лесна — двести четырнадцать. Дедушка Мошкин...

А Женя играет пассажи. Зажата подбородком скрипка. В избе теснятся рой чистых звуков. Они быются в заиндеветые окна, гаснут и рождаются вновь.

В углу, отгороженном досками, стоит тощая, задумчивая коза. На лавке, заставленной стулом, спит мальчик лет трех. Коза иногда тонко и жалобно блеет, точно стараясь попасть в тон скрипке.

Пассаж упорно не удается. Женя кладет скрипку на стол и, вытянув вперед руки, удивленно рассматривает их.

— Не те руки, не мои руки. — шепчет она и вновь берется за скрипку.

Невинный пассаж звучит сейчас стремительно и зло.

В распахнувшуюся дверь влетает Марья Петровна, крича еще с порога:

— Жень, немедленно одевайся, сено делят!

— Знаю, мама. Мне не полагается. Дают до ноября.

— Но ты им скажи... Они обязаны!

— Ни чем они мам, мама, не обязаны, — сухо отчеканивает Женья.

— Но ведь она же умрет, — горестно восклицает старушка и, подойдя к козе, опастиво поглядывает ее. — Мы отрываем ей последний кусок, а она даже не ягненка.

— Суязная, мама, — усмехнувшись, поправляет Женья и вновь берется за скрипку.

— Перестачь, Женья.

Женья продолжает мучить скрипку пассажем.

— Ну, перестачь, пожадуйста. Я не могу это больше слышать. Это упорство сумасшедшей. Здесь нужны твоя кофточка, юбка. Понимаешь? Твои десять лет пропали. Концерт отменяется. Мы просто не выживем! — Марья Петровна всхлипывает.

— Выживем, мама, а концерт переносится. — Поставив скрипку на стол, Женья кладет подбородок на ее гриф и смотрит, задумавшись, в окно.

И хотя оно наглухо закрыто морозом, я знаю, что горожанка Женья видит сейчас непривычную для нее Россию, где поля, и речка, и деревня на пригорке. И снова поля, речка и деревня... И где-то на краю последней деревни гудят самолеты и пыльные автоматыки летят в психическую.

— Слышишь, мама, переносится, — медленно говорит Женья, и ее слова, видимо, с трудом

могут вместить то большое и еще пока смуглое, что увидела Женя.— А вот руки жалко!

— Ну, да, жалко, — говорит Тютюкова, окруженная толпой уже сердитых баб.— Мы, чай, всем правлением сено жевать будем. Резерву сохраняем. На весну, на ферму.

— Вот в ферме-то и погибель наша, — подсакивает к ней Леска Бугорная.

— В языке у тебя погибель, Леса, — отвечает Тютюкова. — Язык наружу, а руки спрятаны. Девяносто дней выработала? На них барыней прожить хочешь? И скотины-то у тебя нет.

Тут начинается уже общий шум.

— Коровным все, значит.

— Нам и доли нету.

За сварой и шумом бабы не слышат, что откуда-то с конца улицы несется нестройный перезвон колокольчиков, хлопанье бичей, мычанье и топот большого стада.

И вот, точно из-под земли, вырастает стадо голодных, худых коров.

Впереди плетутся когда-то породистые, но сейчас заморенные, тощие быки.

Завидев село, стадо устремляется вперед.

Все ближе и ближе...

Рев, мычанье, храп слились в победоносный стон, потрясший привычную тишину улицы.

Врываясь через ограду, калитку, проходы в старой обветшавшей стене, топча уже разделенные кучи сена, не слушая криков, голодное стадо заполняет ограду.

Внезапно наступает тишина, и в ней...

сосредоточенный, размеренный, примиряющий хруст сена.

Молчат крестьяне. Чье-то великое горе перед ними.

Слышится тихий, строгий голос старика Мошкина:

— И семь тощих съели семь тучных и не стали от того тучнее.

Скрип колес, — и непонятная зимой телега, нагруженная узлами, останавливается у ограды. Из телегой десять замидевевших девок.

Одиннадцатая впереди.

— Вы чьи же будете? — перешительно спрашивает кто-то из быковцев.

— Совецкие! — гордо отвечает передняя — Дуня.

— А скотина?

— Была наша, а теперь ваша.

— Это как же?

— А так. От немца гоним, — и, засучив толстый шерстяной чулок, Дуня вытаскивает затрепанную бумажку, но никто не решается взять... Дуня обводит строгими глазами быковцев.

— Председатель где?

— Нету председателя, в районе, — отвечает Тютькова.

— Чудеса! — вскрикивает вдруг глухой Букин. — Зимой, а на телеге!

— Наша телега... смоленская, — дернув губами, тихо отвечает Манефа, высокая, рослая девушка.

— Ты, что ли, тут побойчей? — Дуня сует Тютьковой бумажку и продолжает. — Скотины шестно голов, семнадцать в дороге пало. Людей десять, я одиннадцатая.

— Милые! — всплескивает вдруг руками Букин. — Это к нам, значит, на прокорм!

— И прокормите, — сурово отвечает Дуня.

— Ты что, у нас в карманах шарил? — кричит Леска, приближаясь к Дуне.

— А ну хватит! — грозно говорит Дуня так, что Леска отскочила в испуге. — Квартирку давай, — требовательно обращается Дуня к Тютьковой.

— Ты нами не командуй, у нас свои командиры найдутся.

Дуня поворачивается и размахисто шагает прочь.

— Айда, девки, — командует она своим.

И десять заиндевевших девушек идут за ней. За ними быковны. Сзади, — неизвестно откуда подошедший Выборнот и Хвалин со своими солдочками.

Дуня идет, оглядывая избы. Остановилась. Толпа, идущая за ней, тоже. Большая пятистенная изба. На одной половине — замок.

— Чья квартира? — спрашивает Дуня.

Молчание...

— Нету, значит, хозяина? — еще раз спрашивает Дуня. Ломай замок, Манефа.

Та мнется и, подойдя, шепчет:

— Не надо б, Дуня, зашласть ты.

— Ломай, говорю!

Манефа покорно нажимает на дверь плечом. Скоба трещит и, наконец, отскакивает.

Из другой почовинны избы выскакивают встревоженные Жея и Марья Петровна.

— Граждане хорошие, — прорывается вдруг вперед дедушка Букин, — чего ж это они мою избу ломают? Может и правильно, а все ж объяснить надо.

— Это что же, бабы, делается? — заголосила. Запричитала вдруг Леска. — А ну к тебе кто

...избу вломится, а? — наскакивает она на Манефу.

Иска маленькая, въедливая. Огромная стоит Манефа. Пристыдилась к косяку и вдруг заплакала.

Нету избы, шикого нету, со скотиной ушли. Все бросили.. Одни мы на целом свете белом, — причитает Манефа.

Утрись, Манефа, — крикнула на нее Дуня. — Перед кем плачешь? Они тут на солнце портики сушат, а нам солнце аэроплан закрыл, а торький от сел наших. За забором сидишь? — наступают она на быковцев.

Притихли быковские. Должно быть, так стояли раньше на молебнах бабы. Лица торжественные, жалостливые и недоуменные.

Где-то в толпе довольное, почти восхищенное лицо Выборнова.

— Ишь, сдобу какую отрастили, — не унимается Дунька. Она тычет куда-то пальцем и когда все, как завороженные, послушно оборачиваются.. это оказывается лицо Выборнова.

— Шею в три топора не перерубишь, — кричит Дуня.

Кто-то хихикинул в толпе.

Выборнов совсем сияет.

— А я и не таюсь. Три трудоводия за день иду. Сам себя обеспечиваем. Еще толще буду, — и вдруг исчезла улыбка. — Это что же, ревизия была? Так на фронте сын у меня. А за советскую власть я тогда рубался, когда тебя и в помине не было. За митинг спасибо! Подходящее случилось — II Выборнов снова засиял. — II:

забить! — неожиданно крикнул он.

Манефа растерянно смотрит на Дуню.

— Кому говорю? Советская власть у нас здесь еще в наличии.

Мгновение Дуня и Выборнов стоят, меряясь силой и какой-то своей внутренней правдой. Дуня опускает голову. Манефа поднимает кирпич и несколько раз ударяет по отскочившей скобе.

Удовлетворение на лицах быковцев.

— А народ ты мой не хай,— уже добродушно говорит Выборнов.— Мы с ним еще таких делов наделаем... Дай-ка ключи, дедушка,— кричит он на ухо Букину.

Дед с готовностью вынимает ключи.

— А то, понимаешь, избу ломают... А только своих я жду из города.

— Ждал своих, приехали наши,— усмехаясь говорит Выборнов и, открыв замок, широко распахивает перед Дуней дверь.— Обеспечь, Маруся,— кивает он Тютьковой.— Вечерком зайдешь, отчет приму,— обращается он уже к Дуне.

Та стоит мрачная.

— Не гордись, девка,— уже ласково сказал Выборнов,— своих заморозишь!

Дуня стоит — ни с места.

— Баню им истопить! — уже уходя, кричит Выборнов.

— Владимирыч! — торопится за ним Хвалын, полоча за собой попрежнему пустые санки.— Такое дело, в колхоз надумал.

Выборнов раскатился смехом.

— Десять лет думал. Через три дня в армию и, значит, надумал? А?

— Ведь не пустой я, с телкой,— оправдывается Хвалын.

— Телку приму, а тебя нет. За телку десять пудов дам. Хлеба своим оставишь.

... некоторое время стоит совершенно
... и потом, собравшись, догоняет
Выборнова.

— Владимирыч!

Сказал, — колечки! — бросает тот на до-

Десять пудов. — И вдруг остановился. — На
фронт идешь?

— Ну, иду, — неожиданно обозлился Хва-
нин. — Убегу я, что ли?

— Не колхозный ты, а все же быковский, —
раздумье говорит Выборнов. — Об этом пом-
Онозоришь, дознаемся. А там видно будет!

Хванин остается один. Вечерает. Дует поземка.
Падает снег за окном. Горит лампа в сельсо-
... Стучит швейная машина. Над ней склонил-
... Маша Медведева. Рядом — стопка уже
спинного белья.

Входит Выборнов. Он неодобрительно смотрит
на стол, заваленный бельем.

— Ты опять за свое? Сельсовет это или
швейная, а?

— Да ведь на армию шьем, — оправдывается
Медведева.

— Авторитет подрываешь. На то фабрика
...

— Грубый ты человек, Владимирыч! Может,
... своими руками что сделать хочется. Успо-
каиваю себя через это.

Выборнов, сердито махнув рукой, уходит.
И снова стучит машинка. Приоткрыв дверь, в
комнату заглядывает Леска Бугорная. Увидев,
... никого нет, она расплывается в улыбке.

— Здравствуй, Манечка. Здравствуй, племен-
... — поет она еще с порога и, подойдя, го-
... Медведеву. — И ночки-то здесь проси-

живаешь. Стомилась вся. И я вот хвораю. А Финяген твой, чорт эчкастый, палат требует. Мне ведь только двух годков до освобождения нехватает. Уж я на тебя надеюсь. Ведь не чужие...

Леска замолкает и со сладкой улыбкой смотрит на Медведеву. Та запустила машинку на самый быстрый ход. Молчит.

Стучит машинка. Ждет Леска.

— А хоть и родные, — сердито говорит Медведева, откусывая нитку. — От кого утаить хочешь? От сынов наших, что на фронте воюют?

Леска поджала губы. Из соседней комнаты врывается вдруг протяжный свист разряда радио. Медведева встает, поглядев на часы. Снимает очки.

— Не спешишь, тетя, не время теперь.

В правлении, куда входит Медведева, толпится народ. Полутемно. Сизо от дыма. Вспыхивают огоньки паниров. Среди разрядов и свиста можно услышать лишь обрывки тревожных фраз:

«С каждым днем враг... центру отечества... улицы Москвы... местом штыковых атак... рукопашных... Каждый житель Москвы должен стать солдатом... враг яростно лезет к Москве».

И дальше, сколько ни крутит Выборнов, ничего членораздельного выжать из приемника не удастся. В полутемной комнате слышатся хрипы, свисты, завывания. Тревожная, страшная сумятица эфира.

И вдруг сухой, надменный голос... Несколько фраз по-немецки.

Выборнов мгновенно выключает радио.

— Немец, — чей-то испуганный шопот.

Наступает тишина. На улице метет буря.

— Да что ж это делается, — слышится прерывистый, почти на крике голос Тютюковой. — Моей наших убивают, села жгут. К Москве же подобраться. Что ж с ними делать-то?

Ей отвечает Дуня, вернее, мы слышим ее голос на фоне темных силуэтов собравшихся.

— Нечего ходки свои беречь, вот что. До нас, может, не достанут. Немец, он посильней натрет. Гудит ветер, сухо шуршит снег по окну.

Пурга. ночь. Глухо стучит колотушка. Дед Мошкин охраняет покой села.

Этой ночью бродит еще по Быковке Выборнов. Дорогу замело. Выборнов проваливается по дороге. Прозанулся и стоит так, задумавшись. Только день ему выбраться из сугроба.

Светится окно. Выборнов подходит к избе. Толкнув дверь, он входит в избу.

Груда шерсти, клубы пара, полуголый хромо́й человек валяет валенки.

— Проверку делаешь? — усмехается «хромо́й».

Выборнов подходит к столу, покачиваясь, словно пьяный.

— Слышишь, — хрипло говорит он. — Чтоб ни одним никому. Чтоб на армию выполнить. Слышишь?

— Слышу. У тебя там один, а у меня трое сынов. А всего миллион. Вот, брат, какая арифметика. Без тебя стараюсь! — неожиданно прикрикнул он на Выборнова. Но уже хлопнула дверь.

Оттерев руки, «хромо́й» сзорачивает козью южку.

— Дела-а, — и он швыряет новеньким валенком в пробежавшую мышь.

Метет пурга... Гудит на пустыре одинокий телеграфный столб. Здесь встречаются Выборнов и Мошкин.

— Бродишь, душа бесприютная? — спрашивает Мошкин. — А ну как все рассыпется?

— Чего буровишь-то? — угрюмо отзывается Выборнов.

— Стояли города каменные и в пыль распались... Входили царства великие и следов не осталось... Гордость человеческая до небес возносилась. И упали с высот великих князья человеческие, и лежали в грязи повержены. Загордился ты, занесся, Иван. Вот что.

— А ты-то... В ревизионную тебя не выбрали, вот и пошел нести грязи, князи... Ты что думаешь, нажитого мне жалко? Ворочаться мне некуда. Скука там, как в овине летом.

— Землю ты разлюбил, — ворчит дед. — Пот свой, в котором трудиться нам наказано.

— Врешь, дед! Крестьянин я, им и останусь. А смиренности нету во мне. В девятнадцатом году сбросил. Я теперь всем ровня. А ты думаешь, мне легко. Однако несу. Потому — знаю, куда... А вдруг да шекуда? Немец поперек стал.

— А ты бы съездил в райкому поисповедываться...

— Райком ты не трогай. Секретарь у нас правильный. А только сейчас и он не боле моего знает.

Выборнов замолкает. Молчит и Мошкин. Метет пурга. Гудит телеграфный столб.

— Эх, мне бы телеграмму послать! — вы-

... у Выборнова. — Самому товарищу
... У него поща трудная, а у меня ведь
... Каждый по своим плечам меряет. Как
... мол, дела? Донесем ли?

Телеграммку бы тебе, да прямо ему... А ты
ни спроси.

Ну-у? — удивленно протянул Выборнов.

Вот Огнев-Майдан. Недалек от нас, а про-
... Майдан. То ли турки, то ли татары окре-
... А теперь, где они? А мы стоим. И всег-
... гоять будем. А иначе как: без России и
... кончится... — И такая убежденность в сло-
... старика, что Выборнов развеселился вдруг.

Ох, старче. А с библией же как? — под-
... нинул он.

Библия, она особо. И чего ты привязал-
... рассердился вдруг старик и, встряхнув
... колотушку, зашагал в ночь.

Пурга... Метель на быковских улицах.

... три березы, согнувшиеся под снегом.
Гонимые пятна на их стволах...

... тонких, зачищенных березок стоит у
... стховной конюшни.

... И превратились березки в оглобли.

... держится дорога, но уже потемнели под-
... таила она. В следах от копыт лошадей высту-
... вода.

Внизу около старой часовни — колода — для
... лоня. Бьет ключ.

... женщины полощут белье. Полощут
... причитают.

... Каждую весну радостью встречала. А ны-
... пошло таять, сердце захолонуло.

... девочки наши бедные, как управимся?

— Старикки да мальчонки — вот и все мужики наши. Куда управиться?

— Так, так, истинно так, — качает головой Леска Бугорная.

Табуи спускается к водопою у колодца.

Хромой мужик гонит четырех коров с ярмами на шеях.

— Эй, Александрыч, этих-то куда?

— Пахоте обучать, в помощь лошадиному словию. Инструкция на их вышла, — хромою с коровами скрывается за холмом.

— Бают, в Огнев-Майдане родился младенец о семи головах, — оглянувшись по сторонам, конфиденциально сообщает Леска. — Конец свету приходит. И сама я к кончине готовлюсь. Пришел час...

Стоит гроб на крыльце. Крышка рядом. Изба заперта.

Мимо проходят Выборнов и Медведева. Останавливаются.

— Кто же это помер? — удивляется Выборнов. — Изба-то лескина.

— По старой вере она. Гроб у них загодя готовят. Видно, к кончине готовится.

— Эх, и тетка у тебя. Чистый агент империализма.

Правление. Вечер. Полно народу.

В центре смущенная Леска Бугорная.

— Ну, что ж ты, давай, помирай, — наступает на нее Выборнов. — Пессимизму разводишь. Без тебя народ задумался. А ты выставки устраиваешь.

Леска, плонув, идет к выходу.

А малог выдай, — кричит ей вслед Выборнов. — Одна ты осталась. Всю деревню сранишь. Свою ж племянницу подводишь. Гробом подрываешься. Вон какие работают, — и он указывает на древнюю старуху Тютюкову. — А мы все еще бригадиром думаем.

Хохот. Смеется и бабка.

Телефонный звонок. Выборнов подходит.

— Ну. Правильно не дал. Ни одной лошади никому. На откорм поставлены. Мы и есть крепость обороны. Покуда пашем, до той поры и крепость. А пахать-то кто будет. Лошади или нет, дорогой товарищ? А ты не обещаешь. Я вашего авторитета и подрывать не буду. Соповещание? У нас тут свое соповещание. Бабку одну от смерти лечим. — Дружный хохот. — Чего? Вот и доложи первому секретарю. Он тебе прояснит.

— Лошадей мы направим, а с гужами как? — спрашивается к Выборнову какой-то унылый человек.

— Телеги до сих пор не обшиты.

— Лемеха наставлять надо.

— Ты не заминай, — наступают на него «унылые». — Мы сев без гужей...

У дверей слышится смех, шум, возня.

— А шу, тихо, — кричит Выборнов. — Кто там?

— Мы это, — и перед изумленным народом появляются несколько девушек, выпачканных мазутом, забрызганных грязью.

— Да ведь это Катька! — изумился кто-то. Трактористки наши, — ахнули в толпе.

— Да вы что это? — оторопел даже Выборнов.

— А ничего. Пешком пришли. В столовке щи были пустые, а лепешки кончились, — развязно отвечает маленькая остроносая Катя. За ней идут гудели и остальные.

— С ремонтом учат. А какн с нас ремонтеры?

— Задний мост и мужик не поднимет, а мы — бабы!

— Ходим, как черти, на кого похожи стали!

— Да вы в себе, девки, или нет! Чего мы с вами — в игрушки играем? Это ж война. Мы вас сейчас как дезертиров напразим. Подрыв посевной, — шумит на них Выборнов. — Впрочем, вот что, девки, идите, бани топите, — глухо говорит Выборнов. — Вечер гулять будете. Ребяг провожать в армию. Керосину на всю ночь. Баранок выдам, настойки... И чтоб было, что парням вспоминать!

У Кати дрогнули губы, она хочет что-то сказать, но потом повернулась и вышла. За ней остальные.

— Ну, что ж, ребята, попрощаемся. Может, и вправду твардейцы будете? — обращается к парням Выборнов. — Вон какие выросли!

— Ребята вы молодые, неженатые, — тихо говорит Медведева. — Жизнь — она всем сладкая. А неволя хуже смерти. Об этом помните. За матерей, за сестер ваших... — не докончив фразу. Медведева обнимает кого-то из парней, смахивает слезу.

Целуется с гигантом Выборнов.

— Валяйте, гуляйте. И вот задание: чтоб поутру девки с вами в район ушли. Ясно? Ну, и кончики!

Широким мажорным вздохом ахнула вдруг гармонь в руках одного из парней. Посыпались переборы. Парни ушли.

И хотя здесь еще они свои, — быковские парни, и еще слышатся переборы их гармони на

...но завтра уже не будет их, Уйдут на
... Назерно поэтому на секунду стало тихо
в направлении.

— Может, Петьку моего встретят, — шепчет
Выборнов, — не пишет что-то.

А с гужами как?

— Ну, есть у меня гужи! — усмехнулся Вы-
борнов.

Совершенно растерянное, озадаченное лицо
пилота». Хохот.

Ночь. Светятся окна клуба. На скамейке си-
дит Выборнов и Дуня — смоленская.

Иногда хлопает дверь, и на крыльцо выска-
кивает пара. На мгновение прорываются звуки
гармони. Потом какая-то возня на крыльце и
шопот:

— Пусти, Сеня-я, — замирает женский голос
и поцелуе.

И снова шопот:

— Смотри, Катька, вернусь... узнаю.

— Ой, дурной, да кто ж остается-то? А вер-
нешься? — всхлипывает невидимая Катька. И
снова поцелуй...

— А ты чего ж не пляшешь? — усмехается
Дуня.

Над ними окно. В окне тени танцующих. Пар-
ни и девушки сходятся и расходятся в старин-
ном падэспане.

— Стар стал, — усмехнулся Выборнов.

— Ты-то стар? Думаешь, не знаю?

Какая-то неожиданная заинтересованность в
голосе Дуни. То ли обида.

— Самы подсыпаются, — пренебрежительно
хихнул рукой Выборнов. — А я что ж, вдовый.

— Сирота казанский, — усмехнулась Дуня. И опять в ее тоне что-то вызывающее.

Выборнов секунду смотрит на нее, докуривая папироску. Ярко вспыхнувший огонек освещает их лица. Выборнов швыряет папироску, придегаясь к Дуне.

— Не трожь, не куплена, — говорит Дуня.

— Слушай, Дуня, — шепчет Выборнов. — Меня на сто лет хватит. Женюсь. Хоть завтра: Слышишь. Полной хозяйкой станешь. А убьют — поплачешь. Я ведь тоже уйду. Засею и уйду. Дом, все хозяйство. Напрочно будет. А вернусь — встретишь. Дунь! А Дунь?

Дуня молчит. Выборнов наклоняет ее голову к себе. Целует. Шапка его падает на снег.

— Пусти, — тихо говорит Дуня. — Замужняя я. Своего ждать буду, — и, освободившись, поправляет гребенкой волосы.

Выборнов отодвигается. Встает, поднимая шапку.

— А я думал... Мечтанье вроде строил... Ну, что ж, жди. Дело хорошее! — глухо говорит он, комкая в руках шапку. Потом надевает ее и, круто повернувшись, уходит.

Дуня растерянно смотрит ему вслед. Встает. Хочет, видимо, окликнуть, но потом раздумывает. И неожиданно улыбается — довольно, торжествующе.

Запел петух. Исчезла Дуня. Погасли огни клуба.

Утро. Дед Мошкин молится. Стоит на коленях и бьет поклоны старинному черному Иисусу.

Открывается дверь. Входит Выборнов. Дед не слышит. Выборнов стоит у порога.

Молится дед. Шепчет что-то неразборчиво.
Норываются отдельные слова:

— Победы... сокрушить...

Выборнов усмехается. Старик шепчет свое,
крестится, смотрит в окно. В окне видно вдаль
М. повское. Чуть правее деревни черные точки
поле — неубранный хлеб.

Сукины сыны... О, господи... — шепчет дед
и снова крестится.

Выборнов фыркнул, не выдержав.

— Ты что ж это с богом ругаешься?

Дед обернулся, посмотрел искоса и опять за
се. Выборнов присел на лавку. Ждет.

Старик, наконец, кончил, кряхтя, встает с ко-
ен.

— Не с богом, а с ними — сурово говорит дед,
глядя в окно. — Не могу глядеть. С души
воротит. Стоит хлеб-то.

— Ну да, стоит, — оживился Выборнов и пе-
ресел поближе к Мошкину.

Поле. Снег. Потемневшая дорога уходит
вдаль.

Скованы лужи утренним морозом. Ни холма,
ни песочка. Равнина... Стоит над ней густая
утренняя тишина и в ней медленно, неторопли-
во всходит солнце.

Вдалеке слышится звуки гармонии.

Все ближе и ближе.

Все выше и выше солнце.

По подмерзшей утренней дороге идут в район
призываться быковские парни.

Идут с гармонью. В обнимку с девушками с
старых курсов. Здесь и Сеня с Катей, что
были вчера на крыльце клуба.

Не страдайте об нас, девки,
Наше дело верное.
Немцу мы за все издевки
Накладдем на верное, —
выводит, надрываясь, парень.
Пятьсот! Восемьсот!
Восемьдесят восемь!
Не придется погулять
В нынешнюю осень! —

Отвечают девушки. И так высоко забираются девичьи голоса, что кажется сейчас сорвутся и замолкнут.

Сзади сани. На санях котомки призывников. На них восседает глухой Букин за возчика. Дед замечтался, и лошадь, остулившись, чуть не вывернула сани со всеми пожитками.

А сзади Быковка... Стоят у околицы матери, окаменевшие от горя. Смотрят в даль. Их не взяли — лишние слезы.

Когда прошли парни и проскрипели на дороге сани с вещами и почти затихла гармонь, на дороге выскочил заяц.

Приподняв уши, он всматривается в даль, точно провозжая ушедших. Сзади подошел Выборнов. Обернувшись, заяц присел от неожиданности и замер. Так секунду стоят недвижимо на дороге заяц и Выборнов.

— Ушли, брат — тихо произносит Выборнов.

Заяц вдруг метнулся в сторону и пошел вымахивать по снежному полю...

— Эй, заходи, капуста выпишу! — крикнул ему вслед Выборнов.

Ветер донес от Быковки тревожные звуки гонга. Ударили где-то в одном конце, потом в другом, в третьем... Прислушавшись, Выборнов зашагал быстрее.

По Быковке быют сбор.
Надрываются мальчишки. Качаются, звенят
рельсы на бригадных дворах.

Идут звеньями. Идут поодиночке.

По улицам мчатся конные — наряжают на собрание.

Полна улица...

— На какую повестку вызвали?

— Насчет мира, может?

— Гитлер, бают, удавился.

— А ма-атушки!

К избе Хвалиных, что на обрыве, подскочил конный. Это Ванюшка Тютюков. Наклонился с лошади, стучит в окно.

— Эй, мать, председатель требует!

А председатель в это время спускается по лестнице правления с древком знамени в руках. Рядом с ним Маша Медведева, сзади Кланы несет знамя сельсовета.

Смолкают разговоры...

Воткнутое в снег у ларки сельпо, полощутся по ветру два знамени: «Лучшему колхозу — переходящее знамя райкома ВКП(б)» и второе «Быковский сельсовет Новотынского райсна».

Под знаменами — Выборнов, Медведева, дед Мошкин, Маруся Тютюкова и Дуня.

На скамейке поставлен огромный портрет Пушкина, снятый со стены правления. Александр Сергеевич с дружелюбной усмешкой взирает на притихших быковцев. На мгновение мелькает в толпе восторженное лицо глухого Букина, снимающего шапку.

Тихо так, что слышно курлыканье голубей под крышей.

— Я вот чего хочу сказать, — крикнул Выборнов вдруг, — быковские мы или нет? Это мы в прошлом году знамя отобрали или заяц ко-сой? Мы кто есть? Мы есть колхоз имени на-главнейшего писателя Александра Сергеевича Пушкина, застреленного царизмом. Так неужто же будем его фамилию посмертно позорить, а? Хвалина здесь? — уже спокойно спрашивает Выборнов.

— Тут я, — расталкивая толпу, Хвалина про-ходит вперед и останавливается, смотря на Вы-борноза ожидающим и несколько испуганным взглядом.

— Письмо тут получено с фронту.

— Се-еня! — Хвалина вскинулась было в кри-ке.

— Погоди, не реви, — остановил ее Выбор-нов, — жив он, Сеня твой, в полной целости. За вас просит. За семью значит. Справка имест-ся.

Вытащив из кармана бумажку. Выборнов читает:

— Настоящая дана уроженцу села Быковка, Хвалину Семену Александровичу, что он проявил себя дисциплинированным и храбрым бой-цом Красной Армии. А также представлен к отличию. Подписано: полгрук С. Горшков. Вот какое дело. — в раздумье произносит Выбор-нов. — Ну, что ж ты? Проси народ! — крикнул он Хвалиной.

Та хотела что-то сказать, но вдруг дернула носом и заплакала.

— Быковский он, — говорит Выборнов. — И деревню нашу не осквернит. Принять их надо. Мало с кем ошибка не случается.

Чей-то женский голос из толпы:

— Шабренка она мне. Горе мыкает — хуже куда. Примем. Чай, не убудет.

— Возражающих нет? — спрашивает Выборнов. — Ну, иди, Анна Тимофеевна, теперь ты колхозная. Возьми справку у фельдшера, а то если детей не примем.

— Милые, — утираясь платком, говорит Хвасина, — я бы давно всей душой, да все идола. — Она шмыгает посом, оглядев сияющими глазами народ, и вдруг вспоминает: — А, ма-мочки, ребят-то я одних заперла, — и она пускается бежать.

Выборнов удовлетворенно смотрит ей вслед.

— Выдали? Понять нужно, — обращается он к себе. — Люди на колхоз, как на каменную гору текутся, а иные на этой горе сидят и ножки сгибают. А немцу это чаруку. Немец на то и идет, чтоб руки спустились. Вон он, хлеб-то, — Выборнов махнул куда-то рукой. У ивановских складах стоит. Слушки слушали. Дураку ве-ришь. А он дурак, да не так. Не сегодня-завтра река пойдет, смоем хлеб начисто.

И как бы в подтверждение слов Выборнова раздаются далекие, глухие удары. Это ломает лед на реке.

Наш хлеб в амбарах лежит. Бомбы над нами еще не канали. И сев проведем. Понятно? И людей нехватит — на коровах вспашем. Вот и плугов, — и Выборнов, усмехнувшись, кивнул в сторону Дюни. — Плугов нехватит — руками царапаем. Наша доблестная Красная Армия идет в атаку, а мы что? Русские мы люди или нет? Должны мы соответствовать? Кто этого не знает, тот, значит, враг, и кончики! Кто еще не умеет разговаривать?

Вперед выходит дед Мошкин. Он снимает шапку и приглаживает волосы, прежде чем начать.

— Я об ивановских скажу. Об ихнем хлебе. Каждое утро встаю, гляну в окно и, вместо того чтобы лоб перекрестить, матюка пускаю, прости господи. Стоит ихний хлеб. С осени гнет в поле. Это что же, так их душу выходит?.. Одни жизни своей лишаются на фронте, а другие прохлаждаются. Солдат должен воевать, а крестьянин пахать. Достойный солдат награду имеет, а который в себе усомнится, того первая пуля найдет. И мы ихнего Косого найдем.

В конце улицы показываются сани.

Все ближе и ближе.

Завидев впереди толпу, запрудившую улицу, возница привстает. Мы узнаем в нем того самого мужичка, что торговал мукой на рынке.

Он круто сворачивает в переулочек, лошадь проваливается по брюхо в рыхлый весенний снег. Спрыгнув с саней, мужичок хлещет лошадь, но та только вздрагивает, а вырваться не в силах. Мужичок, наклонившись, развязывает поперечник, снимает гужи. Доносится голос Мошкина.

— Это что же! Всем мороз, а саням сенокос. Свезти хлеб у ивановских и все тут.

Мужичок вскакивает на распряженную лошадь и, оставив в переулке сани, мчится, врезаясь с ходу в толпу:

— Эй, берепись!

Быковцы расступаются и, пока они опомнились, мужичок скрывается вдаль, колотя валенками по бокам лошади.

— Да ведь это Семен Косой! — ахнул кто-то.

— Ивановский председатель?

— Ах, шут!

— Врет, не уйдет! — взревел Мошкин

Пустая комната правления.

— Райком. Щепетова мне. Срочно! — надрыгается Выборнов у телефона. — Уехал? — растерянно смотрит на трубку. — Куда уехал? (*Радостно.*) В Майдан! (*Яростно крутит ручку телефона.*) Майдан! Майдан!

Ивановское. Семен бьет в колокол, подвешенный у конторы, кричит подбежавшим:

— Собирай народ! Река трогается. Мост снимать будем.

Выборнов у телефона.

— Петр Семенович, ты? — облегченно вздохнул. — Мы тут агитацию насчет сева провели. Сказали про ивановских. Ну, и народ поднялся. Пошли хлеб отбирать. Дед тут один вопрос резко поставил.

Щепетов у телефона:

— Правильно поставил. Сейчас буду.

Быковцы уже спускаются к мосту.

— Ты вот что, смоленская, — обращается к Думе Тютюкова. — Осади назад. Меж своих разговор будет.

Ивановские уже начали было ломать мост, но остановились, увидев заворачивающее на мост шествие.

Ломается лед на реке. Мост дрожит под ударами плывущих льдин.

— Чего глядите? — орет Семен Косой. — Сыймай настил. Снесет мост-то, — и он с размаху воиздает лом меж досок.

Выборнов верхом торопится к мосту.
Бьет лошадь.

Мост уже заполнен быковцами.

Там, где настил сходит на другой берег, струдились ивановские.

— На даровщинку явились? — кричит Косой. — Разбоем занимаетесь?

Вперед выходит Медведева.

— От имени Быковского сельского совета приказываю хлеб сдать, как вы его прогнали до весны.

— Видали начальство? — обращается к своим Косой. — Поставку мы выполнили. Наш хлеб, что с ним хотим, то и делаем.

— Что с ней разговаривать!

— Не вашего мы сельсовету.

— Калинин тоже нашелся.

— А я сейчас за него, — спокойно отвечает Медведева.

— А рубаху мне шила тоже за него?

— Ладно! Так я вам, как портниха скажу. Бызает такой материал перекошенный, как и крои — не кроится. И Семен ваш, как его ни прикладывай — косой получается.

Быковские грохнули смехом.

Смущены ивановские. Косой растерялся.

Раздается цоканье копыт. На мост влетает Выборнов.

— Здорово, Семен, — усмехается он, подъехав к краю моста. — Вот и встретились. Что это ты с мостом заторочился? Мы б тебя и в лапавь достали.

Косой сжал в руках лом. Глаза его сверкнули и погасли.

Чего там разговаривать, — крикнула Дуня, не выдержав. — Нажми там.

Щепетов, подъехав со стороны Ивановского, спускается с саней, бежит к мосту.

А ну, осадн! — кричит Косой поднимаясь.

Давай, девки! — слышится крик Дуни.

Девки рванулись навстречу Ивановским.

Щепетов бросился навстречу, расталкивая толпу.

Рванулся вперед и Выборнов.

Их опередил дед Мошкин.

Стой! — и дед стал между смоленскими и Ивановскими, растопырив руки.

— Сюда глядите, — и, распахнув кожух, дед показывает георгиевский крест. — Это чего, а?

— Чего, я спрашиваю? — наступает он на ивановских. — За лемца получено на той войне, в тринадцатом.

Немцы не кончили, так, может, у своих рука подыметесь?

Ивановские молчат, потупив голову.

— До края довели. Сословие наше позорите.

Грихо стало на мосту.

Рас-ступись! — командует дед, и ивановские молча расступаются.

Ивановцы проходят меж ними. Вот проехали последние сани.

Остались на мосту: Семен Косой, Щепетов и Выборнов.

— Это что же получается, — растерянно говорит Косой, — как понять, Петр Семеныч?

Щепетов: Судить будем! Там поймешь.

Косой (разводя руками): Воля ваша. А только умыслу тут не было. Народишку нехватает.

Щепетов (кивнув на Выборнова): А у него больше, что ли? А? Сдать дела. Перевыборы назначим.

Протянув руку Выборнову, он подходит к саям:

— Хорош дед у тебя,— крикнул он Выборнову.— Мировой агитатор! — и хлестнул лошадь.

Трясогузка, сидевшая на перилах моста, испуганно взлетела.

И когда вновь садится она...

...Течет река. Несет весенние, мутные воды.
На кочке с чуть пробивающейся травой, сидит трясогузка, балансируя хвостом.

Где-то далеко возникает песня:

Ой, леса, вы, леса дремучие,
Схороните нас крепко-накрепко.

Поют женские голоса. Растет и ширится песня...

Течет река.

Охраните нас, звери лютые,
От лихого пса — зла-татарина.

Смоленские лежат на полатах, поют. Высокие девичьи голоса ведут тонкую, чистую мелодию песни. Как в большинстве старинных песен, — в ней простор и щемящая высокая печаль.

Четверо сидят за столом. Играют в самодельные рисованные карты.

— Крести!

— Вини!

— А у меня хлоп!

— А мы его кралей!

Рябая Манефа подставляет нос. По нему бьют картами.

Одна из девушек заплетает косу товарке, та положила голову к ней на плечи. Полузакрыты глаза и блаженное спокойствие на лице.

Та, что плела косу, задумалась о чем-то, опустив гребень.

— Хоть бы одним глазком на нашу деревню посмотреть. Неужто же всех немцы сгинули?

Воцаряется молчание. Перестали петь девушки. Почти физически ощутимая, вошла вдруг тоска в избу — по дому, по своим.

— Чего болтаешь! — строго говорит Дуня. — Ушли наши. Ушли в леса. Леса у нас вокруг дремучие. Не то что здесь. Слушай Женя, сыграй что-нибудь повеселее, попляшут мои. Заскучали что-то, — наклонившись, говорит ей Дуня.

Та отрицательно качает головой.

— Не хочется сегодня.

— А что?

— Мишка хворает. Молока нет.

— Ну? — удивилась Дуня. — А к Выборнову сходи. Пускай выпишет.

Женя покачала головой.

— Гордость одолела, — усмехается Дуня. — Вациурованная, как и мы. Обязан выписать.

Женя молчит.

— Что тебя за ручку вести? — рассердилась Дуня. — На дом, что ли, тебе носить обязанности. Пойдем, — Дуня надевает ватник. — Иди, иди, одевайся. Нежная очень, — ворчит она.

Правление. Как и всегда, вечером много народу.

Расписывают наряды.

— Иди, иди, не огинайся, — слышится у дверей голос Дуни.

Она влетает, таща за собой упирающуюся, смущенную Женю.

— Ты что ж это думаешь,— еще с ходу набрасывается она на Выборнова.— Коль не быковские, так и заботы нет? Местожительство человек переменял и, значит, потерялся. Вот она, эвакуированная, как и мы. А как живет. А ты что молчишь? — накидывается она на Женю.— Объясни людям. Чай, тут не кусаются.

— Фыр-пыр! Шум-дым! Уродится, однако, голосок,— усмехнулся Выборнов с явным удовольствием оглядывая Дуню.— А ну, потеснитесь!

Женя и Дуня садятся на край освобожденной лавки.

— А ты что за вззвунница? Гражданка образованная, сама объяснить может. У Букина глухого живете? А ну погляди, есть какие заявления,— обращается к Тютьковой Выборнов.

Та перелистывает папку.

— Ничего и нет. Она все колобродит.— Маруся кивает на Дуню.— Все ей не так у нас.

Видимо, так, с первой встречи и не ладит Тютькова с Дуней.

Выборнов торжествуя смотрит на Дуню.

— Ну, что ж ты?

— А ничего,— отрезает Дуня.— Человек городской, стеснительный, звать по-нашему не умеет. И сам бы заглянул.

— По музыке она,— слышится голос.

— А вы на каком же инструменте? — неожиданно спрашивает Выборнов.

— Я скрипачка,— тихо говорит Женя.

— А сыграть можете? — слышится голос.

— А и вправду, сыграйте, а? — оживился Выборнов.— Вроде перерыва сделаем.

И вот в правлении колхоза имени Пушкина. —
в деревне Быковке, за сто пятьдесят километров
самого пути от Горького, куда по ночам кра-
дутся черные юнкеры и лезвия прожекторов
разрезают грозное военное небо, — звучит концерт
Паганини...

Должно быть, никогда еще в самых лучших
концертных залах не играла так Женя.

Ходит волнами дым поверху от самосада.

Слушают деды.

И бабы.

И старухи с иконописными византийскими ли-
цами.

Кое-кто дремлет.

Задумалась Клава, и, хотя Ванюшка Тютюков
и шепчет ей что-то смешное на ухо, та отма-
хивается.

Иные смотрят, как бегают пальцы Женя по
грифу скрипки — интересно.

А вот у Медведевой чужь не слезы на гла-
зах.

Дуня оперлась на руку и наверное путеше-
ствует мысленно где-нибудь в Смоленщине.

Выборнов иногда зевает, деликатно прикрывая
рот ладонями, что-то уж долго очень.

Женя кончает...

Обычно тут наступала тишина. Молчал зал.
И потом, как горный обвал, лавина аплодисмен-
тов. А тут сразу задвигались, загалдели, заня-
лись своими делами.

Женя стоит растерянная. Дуня что-то шепчет
сердито на ухо Выборнову. Тот протягивает Же-
не записку:

— Поллитра на день. На десять дней выписал.
Потом зайдешь.

И все.. Женя и сама не знает толком, но почему-то ей обидно принимать эту записку. Она мнет ее в руках.

Выборнов поднял голову от бумаг.

— А в бригаду записались? Сев, вот он. А то некоторые считают — на курорт приехали.

У Жени запрыгали губы от обиды.

— Можете ничего не давать. Я вас и не просила. — Она кладет обратно записку и начинает укладывать скрипку. — Я шиты вязала зимой. Записалась в огородную. Я хотела поговорить с вами. Надеялась, что.. Руки — это моя профессия. Я десять лет училась. Ну и пусть пропадают.

— Десять лет, — изумляется Выборнов.

— Да, десять. Я с золотой медалью кончила.

— А документы имеются? — заинтересовался Выборнов.

Женя отстегивает карман на футляре скрипки и бросает диплом на стол.

— У нас дед Мошкин тоже с медалью. Помидор вырастил такой, что вся Москва смотреть ездила.

— А ты крестьянской работы попробуй! — слышатся голоса.

— Тихо! — крикнул Выборнов. — Тут про инструмент сказано. Вроде награждения. Скрипка, что ж у тебя особенная?

— Да. Из музейного фонда.

— И что же, дорогая?

— Двадцать тысяч... золотом.

— Двадцать тысяч! — повторил ошеломленный Выборнов: — А не врешь?

Женя вырывает у него из рук диплом, захлопывает футляр и хочет идти.

— Погоди,— останавливает ее Выборнов. И о чем-то совещается с Марусей.— Раз такое дело,— он берет записку и переправляет поллитра на литр.— Мы тебя в ясли поставим. Трудодень за день. Своих отбою нет.

Женя стоит совершенно ошеломленная таким оборотом дела.

Чей-то недовольный бабий голос:

— А наши руки, значит, неоцененные. Я вот на дудке играю.

Смех.

— Человека десять лет учили. Затрату сделали. Доверили имущество. Значит, наше дело сбережь. Понятно? А хоть и тебя с дудкой в Москву ушли,— усмехается Выборнов.— Немца вот прогоним и ушли. Давай готовься!

Хохот. Выборнов серьезно:

— Смотри только, бабы нынче за мужиков. А детишки у тебя будут. Тоже музыка. Сев!

Газуют тракторы на быковских полях. Сидят девушки на них.

Черная маслянистая земля ложится тяжелыми рядами за плугом.

Стая грачей вспорхнет, пролетит низким сомкнутым строем, чуть взмахивая крыльями, и садится на свежие отвалы земли. Засовывает длинный нос в аппетитную весеннюю землю, ищет червей. Потом поднимает нос и смотрит вслед трактору — ну, что же ты?

И снова взлет.

Дымят на полях бригадные котлы.

Последний раз машают сляпки дымящегося варево.

Полдник... Протяжные звуки гонгов звучат над полями.

И вот уже лежат у самой дороги две бабы, раскинувшись на мешках. Рядом мирно жуёт прошлогоднее сено распряженная лошадь, свесив старую губу.

Бригада Тютковой обедает. Матери кормят.

Выборнов стоит подле Маруси. Записывает показатели.

Марья Петровна вынимает из корзинки ребят, а Женя подносит их. Рассердилась:

— Возьмите марлю, перед кормлением искоб. ходимо промывать грудь.

— Ладно уж, не сердись, — берет марлю смущенная Хвалица. — Всю жисть так кормим, и ничего.

— А ты слушайся! — крикнул Выборнов. — Ну, как руки-то?

— Ничего, Иван Владимирович. В порядке, — отвечает, улыбнувшись, Женя.

— А свое дело тоже не забывай, — и Выборнов помахал у плеча рукой, изображая скрипку.

Подальше стоит на поле «Пушкин». Попржнему дружелюбно насмешлив взгляд. Да и как не усмехнуться, если суждено ему тут быть знаком лучшей полевой бригады.

А за портретом сидят смоленские. Обед, видно кончен. Дожевывают лепешки. Старик Мошкин стоит подле них, слушает. Полулежа на земле, рассказывает Манефа. Рябое ее лицо преобразилось и даже хорошо сейчас.

— Не сдержали в те поры силу немецкую. Шли солдаты неулыбисты. Пушки свои чехольчиками позакрывли, чтоб глядеть на их несобесно. Мы скотину гнали. Скотина мычит. Жа-

луется, — куда гоните от своих лугов... Генералы скачут. Стоят в грязях машины, везут, селятся. Свою худобу люди везут — беженцы. В небе немецкие черные птицы. Стрекочут с путей в народ. Как кусты огненные пожаром округ... Вот и в ту пору грозную повстречала я свою сужену.

— Нету девки у меня, не запаса. А сражаться без вой нельзя — Наклонился с лихого коня — Поцелуй, говорит, меня. Будешь мне невестой. А зовут меня Григорий — симбирский казак, Елистратов. Лицо бело, глаза огненные.

— Смотри говорит, жди. Не вернусь, пока немцев не выгоню. А вернусь так слух пойдет, и найду я тебя, где бы ты ни была. Хвостнул коня и скрылся. Дожди тут пошли. Попритих огонь. А я все стою, ему вслед смотрю. А и где тут след?.. И вся мокрая.

Мошкин заслушался. Видно правится ему рассказ. Кто-то из девок фыркнул. Ей ответила другая. Прошел смехок. Дед недовольно покосился на них.

Молчала, точно очнувшись, растерянно оглядывает улыбающиеся лица и, взяв миску, идет к котлу.

— Да ведь выдумывает она все, — объясняет кто-то из девок Мошкину.

— Бабка у нас сказки сказывала. Ну и она тоже. Какой жених? Все время вместе были.

— А и выдумывает, так складно, — отрезал дед — А вам завидно.

Тютькова поднимает своих;

— Давай, бабы давай!

Женщины поднимаются с ведер, на которых сидели.

— А тебе, маманя особое приглашение надо? — обращается к матери Маруся.

— Да ведь не звонили еще, — привстает мать.

— Смоленские уже работают, — сердится Маруся.

— И что им, больше других надо, что ли? — удивляется мать. — Дунька все. Сама загнулась и других затягивает. Жадная, что ли?

— Немна они, маманя, погидали, — в раздумье говорит Маруся, — а все равно я у ней портрет отобью.

Полею по меже идет бабушка Тютькова. Чуть передвигает ноги. Кажется, что даже ветер колеблет ее высохшее, сгорбленное тело. Но старуха упрямо движется. Довольная улыбка у нее на лице.

Леска Бугорная всплеснула руками.

— Да ведь это бабушка твоя, — обратилась она к Марусе.

Старуха подходит и стоит перед толпой онемевших от изумления женщин. Очень довольна старуха. Всех перехитрила! Пришла!

— Господи! Горе ты мое!.. — жидается к ней мать Маруси. — Да куда же вы это, мама, собрались? Ведь в чем дух держится!

— Все на полях, — шепчет старуха, — а я что ж?.. Очнулась раз... А там мухи одни... Маленько и подсоблю...

Поля... Конными плугами поднимают пары Мошкин и Ванюшка Тютьков.

Вспотевший, разгоряченный дед идет за плугом, поглядывая на соседний участок где ведет плуг Ванька Тютьков.

Лошади прошли одновременно борозду, закруглили, повернули. И здесь Ванька стал опережать деда.

Дед торопится, погоняет лошадь.

— Меня объехать хочешь? Мошкина? Всякая сопля... Врешь,— бурчит дед,— я на трех войнах был...— И действительно, старик догоняет Ваньку и еще одну борозду они кончают вместе. Ванька подмигнул старику и опять стал уходить вперед.

— Ты кому мигаешь? — крикнул дед, вконец обозлившись. Но уже устали руки, плуг вихляет. Старик отстает.— Ты как это смеешь?— кричит он, хотя уже Ванька далеко.— Ты как смеешь?

Поле... Врезает землю конный плуг.

Бригада Тютьковой идет следом. Ведра с картофелем у каждой. Уже возле «Пушкин».

Наклоняются враз, опуская картофель в борозду. Мягкая земля заваливает его.

А смоленские идут за коровой. Упирается та

— Да давай же ты! Давай! — кричит на хромого пахаря Дуня. Тот разводит руками.

— Подшипники, видно ослабли. Но-но!

Корова оборачивается, удивленно мычит.

— А ты на немца мычи. Вот что,— ворчит хромой иогревает ее жупом: — ему обязанная!

Правление. У телефона Выборнов.

— Яровых двести пятнадцать га. Ну да, все,— кричит в трубку Выборнов.— Овса девяносто семь.— Вбегает запыхавшаяся Клэня, сует рапортнику. Выборнов хватается ее и в телефон: —

Девяносто девять. Чего? Да овса же.— Стук копыт за окном. Какой-то совсем маленький парнишка врывается в комнату, путаясь в большом пиджаке. Падаёт и ещё с полу протягивает рапортчку. Выборнов хватается её и в телефон:— Весь овес! С парами. Как с парами? — спрашивает он, прикрыв трубку.

— Тютков Ванюшка дедушку совсем забил,— сияя сообщает Кланы.

— Мошкина? Вот соняк. Да не вам! — кричит он в трубку и с размаху вешает её.— Беги, скажи, чтоб поотстал, слышишь?

Кланы ни с места.

— Это почему же? — обидчиво говорит она.

Выборнов хватается фуражку.

— Спортит мне старика! А старик во как нужен! — И он выскакивает.

Заходит солнце. Смеркается над быковскими полями.

Но все так же пыхтят на них тракторы.

И сажают картофель бабы.

Уже выбиваются из сил даже смоленские — дюжие девушки.

— Подтянись, девки! Последки уж. За села наши! За немецкую гибель! — кричит Дуня.

С трудом уже ходят ноги, и уже медленней движутся руки у Тютковой. И ведра кажутся тяжелее бабам. И почти не разгибаются спины.

По целине, с трудом вытаскивая ноги, бежит Выборнов. Поравнялся с Тютковым. Тот обернулся, сияя и подмигнув в сторону виднеющегося вдали Мошкина.

— Ну и дурак! — неожиданно говорит Выборнов. — Старость уважать надо. А ты чего выпер?

Ванюшка изумленно глядит на него. Остановил даже лошадь.

— Поотстань маленько, — шепчет, наклонившись к нему, Выборнов.

Ванюшка сердито посмотрел на него и тронул лошадь. Выборнов идет следом.

— Слушай, Ванюшка, я же вижу. На премию поставлю. А только спортишь ты мне старика, забуксует опять.

— Шабаш, вся! — говорит Тютькова. — А смоленские как? — И она вглядывается вдаль.

Но и смоленские тоже кончили. Смотрят, как быковские.

Сердито идут бригады навстречу, потряхивая ведрами.

Сев окончен. То тут, то там вспыхивают песни на полях.

По дороге, размахивая газетой, мчится на неседланной лошади Женья. Темнеет далекий лес.

Поребранка между бригадирами Тютьковой и Дуней.

Ругаются Манефа и Леска Бугорная.

— Чего хвалитесь, — кричит Манефа. — Мы ведь за коровой шли и то вровень кончили.

— Корова-то ваша, — ехидничает Леска. — Что ж какую плоху привели?

— Ну, ладно вам! Кончили вместе и все тут, так и запишем, — говорит Медведева, стоя между смоленскими и бригадой Тютьковой.

Дунька и Маруся стоят недовольные обе. Мед-

ведова подняла голову от блокнота, улыбнулась.

— А и дуры же вы, бабы! Ну, чего не разделили? — Сев кончили, радость какая, а вы... Что смоленские, что быковские. Земля-то одна — русская. — И она толкает Дуню к Марусе. — Ну?

Те секунду смотрят друг на друга и вдруг, обнявшись, заплакали.

На всем скаку поравнялась с ними Женья.

— Манефа здесь? Вот вы ей не верили. Слушайте. Указом Президиума Верховного Совета бойцу Григорию Елнстратову присвоить звание Героя Советского Союза со вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Всобщее изумление. Пауза. Какой-то тихий стон вырывается у Мансфы и она, сникнув, почти падает на руки подруг.

Идут быковцы. Темнеет далекий лес. Гремит песня.

Утро. Стоят быковские подле дома. Всмотриваются, не едут ли лошади.

Уже чисты усадьбы, приготовленные под огороды. Иные еще дергают литвинь — прошлогоднюю картофельную ботву, чтоб не засоряла.

— Что ж лошади-то?

— Кормят, видно.

— Какой кормят? Солнце вои где!

Кое-где перебранки.

— А ты не готовься! — кричит какому-то лысому колхозница. — Твой усад мне отошел. Семь лет уже пащу. В городе жил, там и спрашивай Ишь, нацелился.

— Скажи, милые, и не думала, что управимся — судачит с кем-то через изгородь Пески

Бугорная.— А теперь выходит, и огорода забла-
шем.

— Вона едут!

— Ишь разукрасились!

На улице показались лошади с плугами. На
хомутах и в хвостах ленты.

Леска побежала открывать ворота. Но лошадь
проехала мимо, завернула вниз на спуск в Ива-
новское.

И в другом месте...

В третьем...

Стоят быковские в изумлении — что ж это?
Открыты ворота, а лошади едут и едут мимо,
вниз.

— Куда ж это?

— Выборнов услал. Ивановским в помощь! —
кричит Ванюшка Тютьков.

И вот уже последняя лошадь спустилась под
гору.

Тишина... Открыты ворота... Растерянные ли-
ца...

И вдруг разом загалдели, зашумели все.

— Лодырям помощь?

— На своих наплевать?

— Кому другому, а то ивановским!..

— Давай председателя!

— В правление пошли!

Со всех сторон валит народ в правление

Уже полно оно... Сидят на лавках, столах,
подоконниках, стоят у дверей. Когда входит, на-
конец. Выборнов, поднимаются шум и крики.

— Самочинствуешь?

— Почему лошадей угнал?

— Лодырям помощник.

— Ты, что ли, наши усадьбы пахать будешь? — подкакивает к Выборнову Леска.

Тот стоит, усмехаясь.

Постепенно стихают крики.

— А вы что ж думали, — тихо, но грозно начинает Выборнов. — Государство все наше воюет, а мы на печке лежать будем. Не выйдет. Мне ивановские тоже не родня. А не досеют ивановские, всему государству урон. Потому лошадей и угнал. А собрание собирать некогда. Сев! Личные усады колхозников от руки вскопаем. Это ж и есть война. А, может, ошибся я? Может, не с быковцами дело имею? Может, напрасно нас в газетах печатают?

Выборнов раскрывает газету, где крупный заголовок:

— Быковцы первыми кончили сев. Внизу фотографии Тютьковой, Мошкина, Ванюшки, Дуни. Газета пошла по рукам.

— ...Может, хотите всерайонно своего председателя опозорить? Тогда лошадей вернем. А я пост с себя снимаю. Уйду, и кончики.

Слышится голос Мошкина:

— А ты не пугай. Государствие... Государствие... А мы кто есть? Мы и есть государственствие.

Щепетов поднимается по лестнице. Голос Мошкина:

— Вот ты чего пойми. Ты что думаешь, ты кем над нами поставленный? Мы тебя выбрали, мы тебя и разжаловать можем. Говорил я тебе: занесся ты, Иван. Очень большое понятие о себе имеешь...

Щепетов уже стоит в толпе, прикуривает.

— Петр Ссменович.— удивился кто-то.

— Замри! — шепчет Щенетов.— Дай послушать.

— ...Одним тобой наша слава сделалась, а? Да ты без народа — тьфу, и нету ничего. — Дед окончательно разъярившись, плюет.— Мы его слова тоже слышали. А как он сказал. Руководство, говорит, приехало и уехало, а народ.— он завсегда на месте.

Щенетов, не выдержав, хмыкнул в толпе.

— Что за смешки,— крикнул Мошкин.— Вопрос сурьезный. Раз такое дело, усады от руки вскопаем, хворым да старым поможем. А тебе выговор сделаем с предупреждением, чтоб не заносился. Верно, что ли?

— Подходяще.

— Правильно. Накругить ему холку!

— Один он герой!

— А теперь другой вопрос,— продолжает дед, когда стих шум.— Это что такое? — и он тычет в лежащую перед ним газету. Выборнов векакивает и что-то сердито шепчет ему на ухо.— А ты не шепчи,— шумит дед.— Ты читай. Не хочешь. Ну, так я прочту... Колхоз имени Пушкина внес в фонд обороны сорок тысяч денег и пятьдесят центнеров хлеба... Это когда же? У тебя были? — тычет наугад дед.

— Нет.

— А у тебя?

— Нету.

— А собрание проводили?

— Како собрание — на полях с утра до ночи.

— Опять не спросясь,— ворчит дед.— Был бы я в ревизионной — этого б не было.

— Ну, уж это ты брось, — встает Выборнов, — контрреволюцию разводить не позволю. Ты что? Против Красной Армии агитируешь, а? — крикнул он.

— А ты не пугай, — усмехнулся дед. — Я в девятнадцатом году на путине был в городе Астрахани. Я и Кирова знал, так и он на меня не кричал... Выходит, оценил нас всех председатель в сорок тысяч и триста пудов хлеба, — обращается к собравшимся Мошкин. — А ну поглядим. Ниши, Маруська: от Мошкина Архипа Семеныча деньгами десять тысяч и хлеба тридцать пудов. Букин?

Старик, сидящий где-то в середине, не слышит.

— Гришка! — гаркнул Мошкин.

— А? — вскочил тот и заулыбался, понял, что ждут от него слова. Видно, редко удается старику поговорить.

— Вот, граждане, я про себя скажу. Семьдесят три мне года, мог бы и не работать.

Голос из толпы:

— Ну, сейчас про детей будет, а потом про кадушки.

— ...У меня, слава тебе, господи, благодаря советской власти все дети в люди вышли. Сын у меня на доктора выучился. Одна дочь учительша, другая агроном. И все деньги шлют, все беспокоятся. Хорошие. Вы бы, тятенька не работали, старый уж. А я и верно, пахать не могу, а вот бочки, кадушки...

— Сколь даешь? — гаркнул Мошкин, зная, что речь Букина может продолжаться очень долго.

— А сколько есть. Семь тысяч девяносто три рубля. Это с процентами, значит.

Дуня, посоветовавшись со своими, кричит:

— Пиши, Маруся, от смоленских вахуирозанных по десять пудов с девки. А денег нету.

Букина усадили уже, но он иногда вскакивает, выкрикивает:

— Огородной бригаде тоже кадушки нужны — капусту квасить.

Смех.

Вперед выскочила Бугорная:

— И меня пиши. Я ему нос-то утру,— и она покосилась на Выборнова. — Пиши — деньгами с меня пять... — притихли в толпе от удивления.

— ...сот рублей. — заканчивает Леска. Хохот.

— А смеяться тут нечего — улыбается Мошкин. — Лескины пятьсот дороже пяти тысяч стоят.

Всеобщий хохот.

— А у баб иной раз квашенки допнут — тоже ко мне несут. — опять вскакивает все еще не успокоившийся Букин.

— Ну, дай-ка — говорит Выборнов, взяв листок у Маруси, выводит какую-то цифру.

— Сто тысяч! — охнул кто-то, наклонившись над столом. Все взгляды устремлены на Выборнова.

— Ай, Владимирч! — слышится чей-то восхищенный голос.

— Ну вот, теперь и телеграмму можно послать самому ему товарищу Сталину. — смеется Мошкин. — Помнишь, ты интересовался. Хоть и райкому спроси.

— Можно, товарищ Мошкин, можно! — слышится голос Шепетова и он появляется у стола. Изумление. Выборнов вскакивает смущенный.

— Петр Семеныч, ты давно?

— А порядочно, — усмехнулся Щепстов. — Слышал, брат, все слышал. Говорил я тебе, Владимирыч, игнорируешь партучебу. А тут тебе такой семинар устроили — мое почтение. Спасибо, быковцы! Позвольте мне от имени районного комитета партии поздравить вас с окончанием первого весеннего съезда. Постановлением райкома партии переходящее красное знамя оставлено у вас.

Стоит знамя под деревьями. Вокруг столы. Праздник, видно, кончился. Женщины убирают со столов миски, плошки.

Поднять собравшись в кружок, девушки голосят песни. Иногда в песню врывается подвыпивший мужской голос:

Шумел, горел пожар московский!

Дед Буккин сидит один за столом и поет свое, подливая в стакан пиво:

Дым ра-а-стилался над рекой!

Имба Тютьковых. На столе чуть горит маленькая лампа без стекла. Ужинают мать и Ванюшка.

Под столом лежит большой черный пес. Временами он просительно взвизгивает и кладет на колени мальчику лапу. Ванюшка украдкой сует со стола ему кусок хлеба.

Маруся качает зыбку.

А, баю-баю-баю,
Нет ли местечка в раю,
Нет ли местечка в раю,
Хушь на самом на краю.

Тихонько напевает она и вдруг уронила голову на зыбку.

— Сиротка ты моя!

— Ладно, дочка, слезой горю не поможешь, — приговаривает мать и подходит к зыбке.

Воспользовавшись этим, Ванюшка выхватывает из миски кусок мяса и швыряет его под стол.

Пес ловит кусок на ходу и проглатывает его, лязгнув зубами. Мать, обернувшись:

— Мясо изводишь? У людей хлеба нету.

— А тебе что? — взъерепенился вдруг Ванюшка. — Чай, я сам зарабатываю.

Он забирается на печку, крихтит там, как большой мужик, вытащив из кармана вчетверо сложенную газету, изучает свой портрет, под которым подпись: «И. Тютков, выполнивший двести процентов нормы пахоты на однолемешном плуге». Раскуривает козью ножку. Кашляет и курит.

— Ты чего ж смотришь? — накидывается на дочь старуха. — Совсем от рук отбился.

— Накось, гляди, — и Ванюшка небрежно швыряет ей газету. — Отбился, — ворчит он и, загнув папироску, нагнетывает на себя кожух.

Старуха держит газету вверх ногами, потом переворачивает ее.

— А-а, ма-атушки! — вырывается у нее, когда Ванюшка предстает перед ней во всей газетной красе.

Тишина... Скрипит зыбка. Ванюшка уже похрапывает во сне.

Идет гага из оврага,
Несет скляницу вина,
Несет скляницу вина,
Два полштофа, три блина.

Борясь с одолевающим ее сном, поет Маруся.
Тихий стук в окно. Старуха подходит.
Заглядывает и, ошатанувшись, крестится.
— Господи Иисусе Христе, — шепчет она тря-
сущимися губами.

И снова стук. Задремавшая Маруся поднимает голову.

— Стучатся, мамаша.

— Что ты, дочка, что ты! Кажется это, — старуха вновь начинает креститься.

Стук повторяется — настойчивый и упорный. Маруся хочет подойти к окну, но старуха не пускает ее.

Слышится заглушенный мужской голос:

— Да это я! Живой я!

Маруся секунду стоит с совершенно безумными глазами и, кажется, сейчас грохнется на пол.

— Лешенька! — вырывается у нее. Она бросается к двери.

Через минуту она входит, ослабевшая, сникшая, поддерживаемая худым человеком в командирской форме. Он опускает ее на лавку у стола. Маруся начинает всклипывать все громче и громче. Тютюков — он это — тихонько поглаживает ее по голове.

— Живой я, мама... Ну, живой! — усмехнувшись, говорит он теще, у которой застыл испуг на лице.

Ванюшка просыпается, смотрит на брата и отворачивается.

— Ванька, Ванюшка, — кидается к нему брат, но Ванюшка, жалостно дернув губами, натягивает на себя полушубок. Может быть, ему часто снился этот сон, и он не хочет ему верить.

Тютков настойчиво будит его, сдергивая полушубок.

— Братань! — наконец поверив, вскрикивает Ванюшка.

— Ты что ж на дочку-то не посмотришь? — плача и смеясь, говорит Маруся. — Ити не знал? Писала я.

— Ну да не знал, — сияя говорит Тютков. Он тихонько подходит к зыбке обнимает жену. — А что же это вы, хозяйки, гостя голодом морите, а?

— Ополумела я совсем. — засуетилась, наконец, старуха. Она достает из печи горшок, выкладывает хлеб.

Тютков садится за стол и с аппетитом наклоняется на горячие щи. Маруся, сияя, смотрит, как он ест.

— А Владимирыч здесь? — спрашивает Тютков.

— На фронт все просится, а не пускают, — отвечает Маруся.

— Соскучился я прямо по нем. И кончики... — улыбувшись, прибавляет Тютков.

— А как же его Петр? — тихо спрашивает жена.

— Петя? Жив Петя! Звезду получил!

— Вот радость-то Владимирычу! — говорит старуха. — А он уж тут совсем отчаялся. Говорили, погиб.

— Выбормоты крепкие, их и пуля не берет, — говорит Тютков, встает из-за стола и подходит к зыбке.

— Дочка, значит? — улыбувшись, говорит он. — Что ж это бабки не видно?

— Померла мама. Нету нашей баушки! — всхлипывает теща.

— Та-ак! — отзывается Тютюков. Он проходит по избе, оглядывая ее, прикасаясь к вещам, точно не веря себе. Потрогает «вершу» для рыбной ловли. Улыбнулся.

По улице мостовой
Шла девица за водой,—
гремит оркестр русскую.

Пляшут. Мелькают ноги.

Оттопырив ухо, склонился над патефоном глухой Букин. Блаженно улыбается — слышит.

Пляшет Дуня.

Полно гостей. За уставленным столом Выборнов и рядом с ним незнакомый, не встречавшийся нам человек в гимнастерке со следами споротых петлиц.

Выборнов, не отрываясь, глядит на Дуню.

— Хороша? — наклоняясь, спрашивает он у незнакомца.

Маруся неодобрительно смотрит на нее.

— А будто замужняя. Пляшет, как девка, — поджав губы, говорит она Мошкину.

Тот усмехнулся в усы, выпил рюмку, полез за огурцом. — Не влюбят, вот и едят друг друга.

Кончают плясать. Встретившись взглядом с Выборновым, Дуня улыбается.

— Жарища-то, — говорит она, утираясь платком, и выходит в сени.

— А теперь за ивановского выпьем, за нового председателя, — говорит Выборнов и, налив, чокается с ним.

Выпивают... Закусывают... Вторая рюмка побольше. Третья — стопка.

Уже Выборнов протягивает стакан ивановскому. Тот выпивает, не поморщившись, Выборнов тоже.

— Ниче-сго,— протянул Выборнов.

— Вполне,— отозвался ивановский.

Каким вином нас угощали!..

Уж я его пила, пила —

выводит патефон.

Председатели в полном удовольствии хлопают друг друга по плечу.

— А с хлебом как? — неожиданно подмигнув, спрашивает ивановский.

— Посеем, вырастет, — как ни в чем не бывало отвечает Выборнов. |

Переглянулись быковские за столом. Замолкли разговоры.

В наступившей за столом тишине идет словесная дуэль председателей.

— Вернуть придется.

— За дело свезли?

— За дело.

— Ну и кончики.

— Ах-ха-ха-ха, ах-ха-ха-ха, — слышится смех «дивы».

Ивановский нахмурится, оглядет усмехающиеся лица.

— Не выйдет. Свезли только да обмолотили. Ну, за хранение... А расгил кто? Четверть от всего. По рукам. А то в район поеду.

Выборнов, подумав, хлопает его по руке:

— Четверть?

— Четверть. — ивановский облегченно вздохнул и налил рюмку. — Когда приехать?

— Чего приезжать? — откровенно усмехнулся Выборнов. — В кармане внесешь.

Ивановский отстраняет рюмку.

Пластинка давно кончилась. Тишина. Хрипит патефон.

— Ну, ладно, — неожиданно охрип и ивановский. — Я с вами по-хорошему. — Он встал.

— А ты погоди, — останавливает его Выборнов. — Сказал в кармане, значит, — кончики. — Порывшись в бумажнике, он протягивает ему какую-то квитанцию.

— В фонд обороны внесли. Четверть взяли, остальные внесли на ваше имя. Нам чужой славы не надо.

Ивановский садится и хлопает ладонью рюмку.

— Подошло? — спрашивает Выборнов.

— Вполне. — улыбнулся ивановский.

— Дай руку.

— На.

Председатели целуются, обменявшись репликами.

— Лошадьми поможешь?

— Поглядим.

— А ну, наливай! — скомандовал Выборнов.

Остановив хрипящий патефон, он ставит новую пластинку. Загудел хор Пятницкого.

— Это по случаю прибытия нашего доблестного односельчанина товарища Тютькова. Все выпили. А теперь выпьем за сына моего Петьку, за высокую награду его.

Открывается дверь. Тихо входит Кланы. Оглядывая всех, она ищет глазами Выборнова. Все смотрят на Кланю.

— Иван Владимирович, — дрожащим голосом произносит Кланы, — извещение насчет Петьки.

Сказав это, Клания замирает. Слезы катятся по ее лицу. Все умолкают. Выборнов тяжело опускается на стул. Невыпитая рюмка дрожит в его руке.

Затемнение.

У крыльца правления стоит лошадь под седлом. Выборнов в шинели. Старинная его шашка на боку. Провожают Медведева, Мошкин, Букин. Женя, Маруся, за ними виднеется толпа быковцев. Выборнов целуется с Тютюковым.

— Ну что ж, Алеша, теперь ты похозяйствуешь. Помощники есть: что дед,—он кивает на Мошкина,—что Маруська твои или Дуня смоленская.—Выборнов ищет ее глазами, но не находит, и тень обиды проходит у него по лицу.—Если что не так делал, простите, не со зла, старался как лучше...

Выборнов кланяется народу.

— А лозунг ясный: колхоз есть крепость обороны. И кончики!

Выборнов вдевает ногу в стремя. Хлестнул лошадь, и вот уже он скрывается вдаль...

Мимо бывшего помещичьего парка, мимо старинной часовни, где бьет ключ, мимо пруда, куда деловито торопятся утки, скачет Выборнов.

Он уже в полях. И долго сопровождают его гомон и крики грачей, оставшихся в парке.

Впереди, на теневой стороне оврага, кое-где пятна серого, стаявшего снега. А над ними повыше трепещет первой весенней листвой мелкий осинник. Когда Выборнов поравнялся с ним, на дорогу выбегает Дуня. Она бросается к лошади. Выборнов натягивает поводья.

— Прости ты меня, Владимирыч! Ведь нет у меня никого. И ждать-то мне с фронта некого. Наврала я тебе давеча. Гордость помешала. Тебя ведь только и жалею.— И Дуня припадает к Выборнову.

— Точно выгорело во мне все,— тихо говорит Выборнов.— А ничего, я живучий. Ладно, Дуня, теперь жди. Еще свидимся! — Наклонившись с лошади, он крепко целует ее.

Потом выпрямился, оглядел поля.

Густые, дружные всходы озимых встают над землей.

— Эх, хорош хлеб будет! Смотрите, в уборке не упустите! — Выборнов хлестнул лошадь.

Скачет Выборнов, и там, где проехал он, густой высокий хлеб встает вслед за ним.

Колышется рожь на полях.

Редактор *В. Лучинов*

Л50655. Подп. к печати 15/V-44 г.

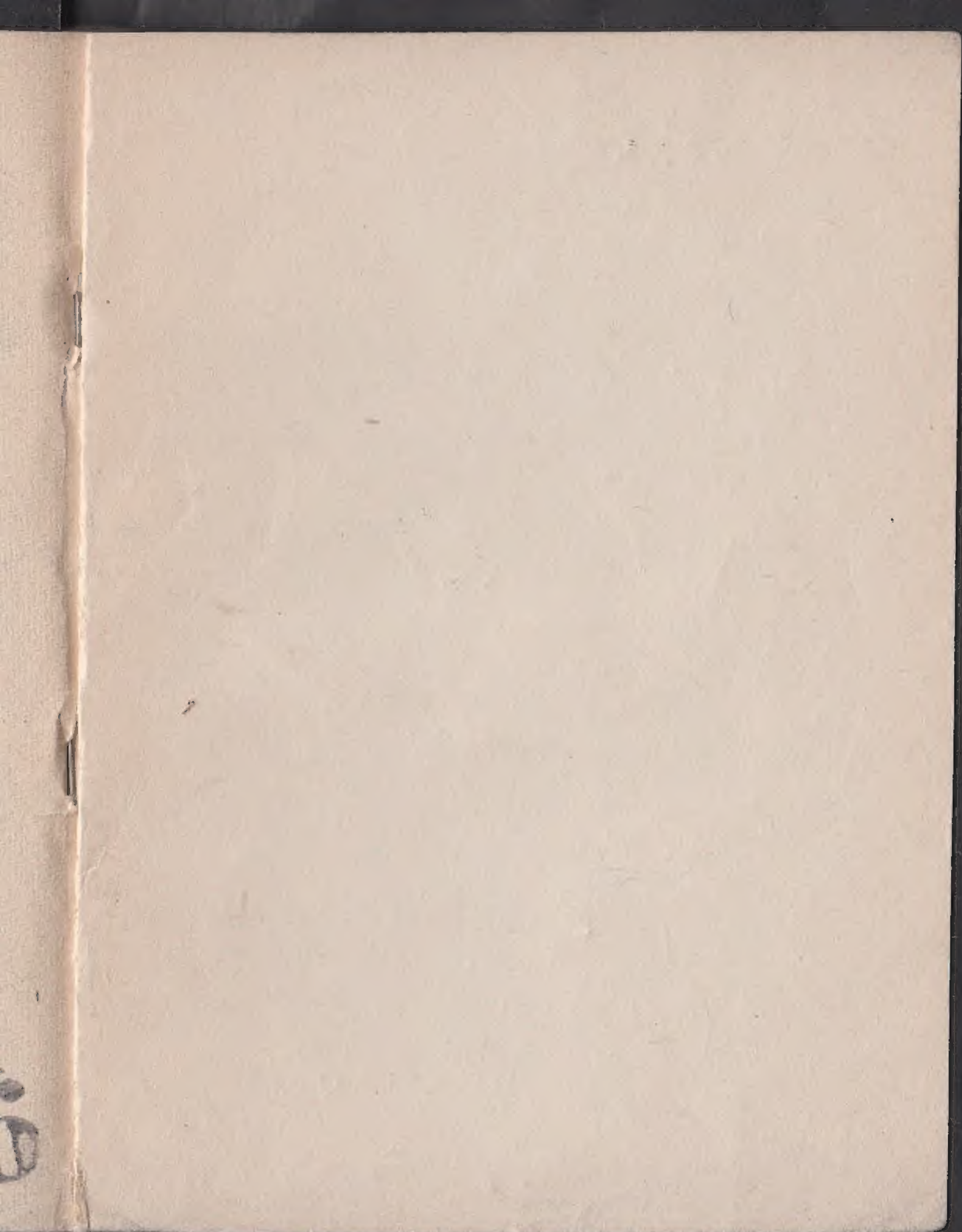
Печ. лист. $2\frac{3}{8}$. Уч.-изд. лист. 2,8.

Знак. в 1 печ. лист. 49000. Тир. 5000 экз.

Изд. № 1268. Цена 3 руб.

Типография „Красный печатник“,

ул. 25 Октября, д. 5. Зак. № 367.

Цена 3 руб.

